

Арина
Ларина

Дюймовочка
крупного
калибра

Арина Ларина

Дюймовочка крупного калибра

«ЭКСМО»

2008

Ларина А.

Дюймовочка крупного калибра / А. Ларина — «Эксмо», 2008

© Ларина А., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

***	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Арина Ларина

Дюймовочка крупного калибра

Начать себя ненавидеть очень просто. Сначала надо внимательно всматриваться в то, что отражает зеркало, с отвращением кривя губы и содрогаясь от собственного несовершенства. Внимательно инвентаризируя обнаруженные недостатки, нужно изо дня в день проверять их наличие, выучивая как молитву и повторяя сей изумительный список перед сном. Далее следует периодически уточнять у знакомых, действительно ли глазки «пороссячи», жир складками, а целлюлит бугрится так, что виден даже через пальто. Не исключено, что допрашиваемые будут сопротивляться, пожимать плечами и категорически отрицать очевидное. Ни в коем случае не стоит покупаться на их лстивые речи. Однажды найдется честный человек, который не только подтвердит вашу правоту, но и добавит в перечень свидетельств ущербности новые пункты, о которых вы, будучи о себе слишком высокого мнения, даже не догадывались.

Серафима Разуваева ненавидела в себе все: простецкое щекастое лицо, пегие волосы, после мелирования ставшие похожими на старую мочалку, большие крестьянские руки, широкую талию, рыхлое тело и по-мужицки крупные ступни.

Почему кто-то может носить изящные туфельки на хрупкой шпильке, а Сима обречена шлепать в баретках на низком стариковском каблуке? Да еще тридцать девятого размера! Нет в мире справедливости. Нет!!!

Настырные переливы звонков горохом раскатывались по операторской. За окном мотались крупные хлопья снега, тяжелое серое небо застыло над заледеневшим городом. Новогодняя ночь со всеми ее мечтами, надеждами и планами осталась позади, о минувшем празднике напоминали лишь остатки мишуры, налипшие на жалюзи, и наполовину разобранный пластмассовый елочка, лежащая в углу.

Телефонная панель, словно бомба замедленного действия, тревожно семафорила красными огоньками, натужно подвывал ксерокс, плюясь копиями документов, из угла слышалось вульгарно-кокетливое хихиканье, ревела кофеварка, рожавшая очередную порцию кофе, за дверью сипло и пронзительно орал шеф. Его непарламентское выступление было настолько громогласным, что периодически перекрывало какофонию офисного гама.

– Бедлам, – печально констатировала Серафима, обреченно нашаривая под столом снятые туфли.

Здесь все было привычным, набившим оскомину и напоминало фильм «День сурка». Даже туфлю, как обычно, не удалось поддеть ногой и пришлось лезть под стол. Девушкой мадемуазель Разуваева была корпулентной, а посему процедура поиска обуви вызывала у нее глухое раздражение. Впрочем, как и сама обувь. За системным блоком притулились зимние сапоги в белых соляных разводах, разношенные и убогие. Сима скорбно скосила глаза, пытаясь разглядеть свои ступни, и пошевелила пальцами – лапти. Разве у девушки могут быть такие ноги?

Горестно вздохнув, Серафима задвинула сапоги поглубже.

Вот ведь невезуха!

Но особой бедой двадцатисемилетнего диспетчера Разуваевой была огромная грудь, вмещавшаяся лишь в колхозно-атласные лифчики чудовищных фасонов. Именно на это горе и клевали примитивные самцы, замороженные габаритами. Кому-то охота хоть раз в жизни съесть устрицу, кому-то – прыгнуть с парашютом или нырнуть с аквалангом, а кому-то – хоть

раз переспать с обладательницей именно такого бюста, чтобы было о чем вспомнить на старости лет. Как богач, опасаящийся, что любимая девушка отдает руку и сердце не ему, а его кошельку, Серафима всех изредка намечающихся кавалеров подозревала в физиологической корысти. А хотелось любви, про которую писали книги, снимали фильмы и врили знакомые. В общем, куда ни плюнь – сплошное расстройство и неудовольствие. Скорее всего, где-то там, наверху, ответственный за раздачу сбился при распределении женских чар, капитально обделив невезучую Серафиму по одной позиции и через край облагодетельствовав – по другой...

– Фима, что у тебя с телефонами! – раздраженно крикнула из угла Лиза Симбирцева. Она отвлеклась от флирта с новым программистом и с негодованием уставилась на круп сотрудницы, склонившейся к полу с грацией векового дуба. – Может, соблаговолишь ответить на звонки?

– Может, и соблаговолю, – индифферентно отозвалась из-под стола Серафима. Она разглядывала туфли и прикидывала, что в принципе если купить такие же не на шпильке, а просто на высоком каблуке, то фигура будет выглядеть стройнее. Хотя при ее росте еще и высокий каблук – гарантированное сужение круга претендентов на звание возлюбленного до минимума. Какой мужчина захочет иметь рядом девицу, смотрящую свысока в буквальном смысле?

Про Лизу Серафима старалась не думать, старательно утапывая в душе темный разбухающий ком ненависти.

«Начальница. Знаем мы, почему ты начальница, – такие мысли роились в Симиной голове. – Ни мозгов, ни воспитания. Только доступность тела в любое время в любом месте. А гонору! Возомнила себя пупком земли».

О том, что Лиза периодически уезжает из офиса вместе с шефом, знали все. Зачем уезжает – не знали, но догадывались. Тут особого ума не надо, особенно если знать о стремительном продвижении Симбирцевой по службе. То ли это скороспелая карьера грейдером проехала по характеру юной секретарши, сравнив все человеческое с землей и превратив Лизу в циничную стервочку, то ли она с самого начала таковой и являлась, так или иначе – работать под ее началом было невыносимо. Лиза была хорошенькой крепенькой брюнеткой с нежно-розовым румянцем, бровями вразлет, пышными кучерявыми волосами и надменным взглядом. Временную близость к начальству она ошибочно принимала за удачный старт, а ставшее следствием этой близости повышение по службе – признанием собственной исключительности. Серафиме было даже жаль эту Лизу. Иногда. Потому что диспетчером она здесь работала уже семь лет, и это была четвертая такая «Лиза» на ее счету. Виктор Николаевич Бобриков, директор и хозяин фирмы, был страсть как охоч до дамского пола, особенно до юных девиц, благосклонно прощавших ему и лысину, и низкорослость, и скандальный нрав. Как правило, однажды блудливого шефа в очередной раз подлавливала супруга – и секретаршу увольняли, а сам Бобриков во искупление вины вез семейство в экзотическое путешествие.

Но чаще Сима не жалела Лизу, а бурлила от негодования, бдительно скрывая эмоции от посторонних. Симбирцева была на удивление пакостной особой, по-видимому, получавшей наслаждение от скандальных ситуаций. Поняв, что Серафима терпеть не может, когда ее называют «Фимой», Лиза начала обращаться к ней именно так, и никак иначе. Бесконечные соболезнования по поводу фигуры и советы насчет диет Симбирцева предпочитала озвучивать непременно при свидетелях, желательно – мужчинах. Если Серафима приходила в обновке, то начальница непременно смотрела на нее долгим взглядом, полным сострадания, и, дождавшись, пока у кофеварки соберутся сотрудники, деликатно советовала сменить стиль одежды, так как нынешний «укрупняет», «не скрывает» и «подчеркивает» то, что лучше бы занавесить, как старую облупленную печь в деревенской избе. А кроме всего прочего, девица еще и «стучала» как ополоумевший дятел. Она докладывала шефу абсолютно все: кто сколько проводит времени в «курилке», кто пьет дармовой кофе чаще, чем положено, кто опоздал, кто ругал, кто использовал телефон в личных целях и так далее. Больше всех доставалось Серафиме, так

как она постоянно была у Симбирцевой на виду и по неизвестной причине вызывала у той наиболее острое чувство неприязни.

Можно было ругаться, скандалить, можно было даже врезать пару раз, благо воспитание позволяло, и в этой дуэли сразу было бы ясно, кто выйдет победителем. Но Серафима предпочитала снисходительно улыбаться, поскольку именно такая реакция выводила Елизавету из себя и не позволяла остальным сотрудникам сделать окончательные выводы относительно чьей-то правоты. Обычно логика человеческих отношений подсказывает: не прав тот, кто орет и хамит. Именно поэтому незаслуженно оскорбленные и пытающиеся оправдать поруганную честь истеричными воплями в адрес обидчика выглядят в глазах окружающих крайне непривлекательно. Чем громче кричишь, тем меньше тебя слушают. Поэтому Сима предпочла демонстративно игнорировать нападки коллеги, снисходительно улыбаясь, когда Симбирцева доводила ее особенно изощренно. Так улыбается крестьянин, глядя на бестолковую курицу, с воплями носящуюся вдоль плетня в поисках выхода на свободу. Или хозяйка с мухобойкой в руке, наблюдающая за мухой, бьющейся о стекло рядом с раскрытой форточкой.

Так они и жили, как два скорпиона в одной банке.

– Фима, ты там застряла? Или заснула? – Лиза с презрением наблюдала за возней Разуваевой.

Программист подобострастно и одобрительно хихикнул. Это был первый рабочий день Вовы Хрящикова, и мама очень четко проинструктировала единственного сына касательно генеральной линии поведения в новом коллективе. Согласно маминым установкам надо было изначально прибиваться к вожакам стаи, ибо каждому известно, что любой коллектив делится на стаи. При этом желательно прибиться ко всем вожакам сразу, проявив чудеса дипломатии и такта. Мама работала в огромном умирающем НИИ и знала об интригах, стаях и подковерной борьбе все. Свои бесценные знания она передавала Вове, который не мог удержаться ни на одном рабочем месте дольше испытательного срока. Вполне возможно, что не последнюю роль в данном прискорбном факте играло применение на практике маминых советов. Хрящиков был отличным программистом, но никак не дипломатом, поэтому балансировать на позиции «и нашим, и вашим» ему удавалось лишь за счет грубой лести и прямого подхалимажа, кои достаточно быстро приедались представителям всех противоборствующих лагерей.

Девушки Вову Хрящикова не любили за все сразу: за низкий рост, тощеватую фигуру, маленькую зарплату и судорожное желание во что бы то ни стало понравиться. Отсутствие личной жизни угнетало Вову даже больше, чем регулярные падения с первой ступеньки карьерной лестницы. Без женской ласки у него портился характер, и на поверхность трепетной натуры вылезали вулканические прыщи. Хрящиков был черняв, лопоух и лупоглаз, что чрезвычайно портило ему жизнь. С такими исходными данными он неминуемо должен был найти общий язык с Серафимой, которая тоже считала свою жизнь безвозвратно испорченной внешними дефектами организма. Но Вова, науськанный мамой, сразу же разглядел «главную» в наглава-той Лизочке и начал процесс сближения, тем более что та благосклонно улыбалась свежеспеченному сотруднику. Кроме всего прочего, Лиза подходила истосковавшемуся без половой жизни Хрящикову и по росту. Именно поэтому Вова и совершил очередную, но не последнюю в своей жизни ошибку, решив дружить «против Фимы».

Серафима не любила подхалимов. Мелких мужчин она не любила тоже. Своим существованием они лишь подчеркивали ее лишние сантиметры, заставляя чувствовать себя водонапорной башней, по недоразумению сорвавшейся с места и пожелавшей прогуляться по городу. Высокая девушка комплексует рядом с низкорослым спутником ничуть не меньше кавалера, не дотягивающего ей до подбородка. И еще неизвестно, кому морально тяжелее в таком тандеме.

Как обычно, снисходительно улыбнувшись Симбирцевой всепрощающей улыбкой воспитателя в интернате для слабоумных и заодно поставив на место новенького, съездившегося под

Симиным внимательным и сочувственным взглядом, мадемуазель Разуваева величественно поднялась с места и вышла из помещения, вежливо прикрыв за собой двери.

– Ты куда? – запоздало взвизгнула Симбирцева. – А телефоны?

Серафима, будучи крайне ответственной и исполнительницей, никакой вины за собой не чувствовала. Согласно должностной инструкции Лиза хоть и была начальницей, но тоже являлась диспетчером, так что не грех было иногда делиться обязанностями.

– Симочка, звезда моя, все цветешь! – по коридору, разлаписто загибая пространство и заполняя богатырским телом весь проход, надвигался водитель шефа, Михаил Владленович. Крепкий жизнерадостный здоровяк пятидесяти трех лет, дважды муж и четырежды дед, он был единственным мужчиной в Симиной жизни, который, боготворя ее формы, не посягал на них в открытую и всякий раз виртуозно избегал скандала с рукоприкладством, «ненароком задев» неприступную барышню. А задевал он Серафиму почти ежедневно, обращая все в шутку и из последних сил делая вид, что воспринимает все не более чем забавный ритуал. С одной стороны, это злило невероятно, а с другой – Сима подсознательно стыдливо понимала, что рада даже этому дурашливому кавалеру, таким незамысловатым способом напоминавшему одинокой девице на выданье о ее половой принадлежности. Хотя бы изредка за женщину должен кто-то держаться именно как за женщину, потому что хочется, а не потому, что не дотянутся до поручня в час пик или в поиске чего-то монументально-надежного, чтобы не вывалиться из переполненного вагона метро. Дядька был вменяемым и лишнего себе не позволял, хотя явно хотел именно этого «лишнего». Это был флирт, обреченный на бесперспективность и безрезультатность.

– Куда ты, лань моя пугливая? – Как обычно Михаил Владленович не дал Серафиме проскользнуть вдоль стены, и они с грацией двух слонов вlepились в дверь бухгалтерии. По зданию пошла легкая вибрация, а из кабинета выглянула главбух. Поправив очки, она пару секунд фокусировала взгляд на слипшихся в огромный ком коллегах, после чего, понимая протянув «а-а-а», скрылась. По умолчанию считалось, что у водителя с диспетчером роман. Серафима сей факт категорически и с возмущенным смехом отрицала, а Михаил Владленович многозначительно отмалчивался и таинственно ухмылялся, укрепляя сотрудников в их безосновательных подозрениях.

– Куда бежишь, малышка? – Он уперся руками в стену, не позволяя уйти, но одновременно и не давая Серафиме повода поскандальить. При этом обращался Михаил Владленович исключительно к Симиному бюсту, внимательно и любовно оглядывая богатство, прикрытое кружевной блузкой и втиснутое в темно-синий пиджак. Наверное, по физиономии Михаил Владленович не получал еще и потому, что это так здорово, когда на твои сто восемьдесят сантиметров роста и восемьдесят кило веса кто-то может посмотреть сверху вниз и назвать этот комплект «ланью» или «малышкой». Был бы воздыхатель помоложе и посвободнее...

– В туалет, – не поддалась на его романтический настрой Сима.

– Ну беги. Не расплещи только, – заботливо напутствовал Михаил Владленович.

Фыркнув, Серафима стремительно двинулась вдаль, стараясь потише топтать и повыразительнее вилять бедрами. И то, и другое получалось не очень. Острое сожаление об отсутствии изящных каблуков снова впилося в сердце и сформировало четкое решение: вечером в магазин!

Тратиться на обувь не хотелось. И денег было жаль, и не верилось, что каблуки на самом деле скрасят безобразный облик. Хотя бабушка давно намекала на смену имиджа, презрительно именуя Симины обувь чоботами и галошами. Именно она, а не внучка бдительно следила за новинками моды и внимательнейшим образом наблюдала за показами сезонных коллекций по ТВ, не забывая, впрочем, критиковать тщедушность моделей:

– На женщине должно быть мясо. Во всех местах. Если мяса нет – это не баба, а полуфабрикат, не годный к употреблению.

Серафима, сколько себя помнила, всегда жила с бабушкой, даже когда были живы родители. Анфиса Макаровна водила ее в сад, потом в школу, потом пристраивала в институт, от обучения в котором остался диплом и ясное осознание того, что по специальности химика-технолога Сима работать не будет никогда. Анфиса Макаровна не возражала. Она вообще редко возражала, уважая мнение внучки и ее свободу. Никакого консерватизма или авторитарности в их семье отродясь не было. Наоборот, бабуля была настолько шепутной и жизнерадостной, что Серафима на ее фоне казалась выпускницей института благородных девиц. Сдобная, приземистая, похожая на колобка Анфиса Макаровна катилась по жизни легко и беззаботно. Конечно, легкой ее судьбу назвать было никак нельзя, а вот реакция на все передраги у бабули была поверхностной.

– Никогда не заикливайся на проблеме. Проблема – это яма, трясина. Чем дольше топчешься, тем глубже засасывает. Учись перешагивать и уходить, не оглядываясь. Обидели – пожалей обидчика, ему судьба все вернет по заслугам. Потеряла кого – иди дальше, еще найдешь. Ошиблась, виновата – исправь сразу, нельзя исправить – уходи, всегда дается возможность искупить вину позже! – Анфиса Макаровна была женщиной мудрой и мудростью этой с удовольствием делилась с внучкой.

Серафима бабушку понимала далеко не всегда, но любила и прощала, как можно любить и прощать единственного близкого человека на земле.

Именно бабушка подарила ей первую косметику, посоветовала проколоть уши и даже подарила на восемнадцатилетие пачку презервативов. С подарком бабуля припозднилась, но Симе стало легче: демонстрация лояльности Анфисы Макаровны по отношению к ее личной жизни и неминуемым ошибкам удалась.

Бабушка вела столь активный образ жизни, что Серафиме иногда становилось стыдно за то, что она так бездарно транжирит свою молодость. Анфиса Макаровна то посещала какие-то кружки и сборища, тяготеющие к мистике, то затевала немислимые аферы со сватовством окружающих дам, включая и засидевшуюся в девках внучку, то бросалась в пучину бизнеса, то боролась за справедливость путем участия в пикетах у мэрии, то вдруг увлекалась темой спорта. Сама бабуля вследствие чрезмерной тучности спортом не занималась, зато была азартной болельщицей. Когда однажды Анфиса Макаровна явилась домой за полночь в трехрогой шапочке цветов местного футбольного клуба да еще с таким же флагом, Сима вдруг поняла, что завидует. Она не умела радоваться жизни, хотя и пыталась.

– Просто в твоей жизни еще не случилось ничего такого, что могло бы сделать тебя счастливой, – сказала тогда бабуля. – У тебя все еще впереди, как я тебе завидую. Однажды ты поймешь, что такое праздник. Лучше, когда праздника ждешь, чем когда он уже миновал и надо убирать конфетти, мыть посуду и тешить себя воспоминаниями.

Серафима тогда пробурчала нечто неопределенное, мол, запросто можно и разминуться с ожидаемым торжеством, на что бабушка резонно возразила, что нечего сидеть и ждать. Надо действовать. Это все была теория, а на практике действовать не получалось. Да и не хотелось. Сима не ждала принца с белым замком на берегу моря и не надеялась на сказку. Сказки имеют обыкновение заканчиваться, принцы превращаются в стареющих обрюзгших королей, а замки ветшают. Нет, ей хотелось любви, спокойной, взвешенной и надежной, чтобы родился ребенок, чтобы муж был верным и заботливым, чтобы все были здоровы и так далее. Этих банальных мыслей она стеснялась и никому их не озвучивала. Бабушка точно не поняла бы такого упаднического настроения, а подруги начали бы поучать и насаждать свое видение мира. Мечтать о высоком и красивом можно вслух, а о банальном и простеньком – про себя.

– Если уж и покупать обувь, то дорогую, – науськивала себя Сима, заглушая вопли поднимавшейся из глубин сознания жадности. Житейская мудрость подсказывала, что шмотки – суть быстротечное, тлен, мошка на фоне вечности, а человек должен быть прекрасен душой. Жаль, мужчины первым делом окидывали взглядом оболочку, и если увиденное не удовлетворяло их высоким требованиям, то до души дело не доходило. Приходилось мириться с действительностью и украшать реальность, данную нам в ощущениях, занавешивая ее яркой мишурой и блестками, словно плешивую новогоднюю елочку.

– Имею право, – убежденно сообщила Серафима сама себе, подталкивая тело к бутику. – Почему бы и нет? Я же не школярка, у которой нога завтра вырастет на два размера. Куплю что-нибудь запредельно дорогущее и буду носить до старости. В них и похоронят.

На этих энергичных размышлениях, словно на помеле, она подлетела к витрине, похожей на вход в рай. Рай был женским, безмерно дорогим и социально-чуждым. Невидимое стекло предательски отсекало сверкающее великолепие стеллажей от Серафимы. Она бодро прошагала мимо дверей, кляня себя последними словами. Подвиг не удался. Оставался еще один шанс – отовариться в торговом комплексе рядом с домом. Там работала давняя подруга Зоя, которая могла поспособствовать не только выбору нормальной модели, но и выбить скидку. Хотя если задуматься, то какой смысл покупать еще одни дешевые сапоги? Задумываться не хотелось, тем более что даже дешевые сапоги хотя бы какое-то время побудут новыми. Плюс не так жалко будет выбрасывать, если затея с каблуками не найдет поддержки у организма. Бросив прощальный взгляд на изящные модели, по ширине голенища больше напоминавшие перчатки, нежели сапоги, Сима двинулась к метро.

– Симона! – радостно прогудела Зойка, расплывшись в приветственной улыбке. – Решила прикупить трусы с люрексом? Есть кому показать? Смотри – отобью.

Зоя Чугунова была массивной и низкорослой, как диван. Весила она тоже как диван и ровно настолько же была домашней и уютной. Рядом с Чугуновой постоянно вились мужчины, как оводы в жаркий день. При тотальном дефиците сильного пола Зоина востребованность казалась феноменом вроде Тунгусского метеорита. Красивой Чугунову назвать было никак нельзя, даже с сильным натягом: маленькие близко посаженные глазки, всегда густо подведенные и разукрашенные тенями павлиньих тонов, мясистый нос, белесые брови и вытравленные химией волосы, собранные на макушке в тощий пучок. В дополнение к вышеперечисленным достоинствам Зойка была невероятно контактной и обожала латиноамериканские сериалы с лубочными страстями. Именно поэтому Симу она называла Симоной, их общую подругу Ингу – Инессой, а себя – Зизи. Чугунова жила мечтой о мексиканском красавце, а потому отдавала предпочтение жгучим брюнетам. Увы, но до сих пор еще ни один брюнет не оправдал чугуновских надежд в полной мере, поэтому Зизи продолжала находиться в поиске.

– Зой, я хочу туфли, то есть нет, сапоги на каблуке, – стесняясь, призналась Сима после того, как Зойка облобызала ее и наврала, что Серафима сильно похудела.

– Жесть, – резюмировала Чугунова. – Ты на каблуках, а Клава Шиффер отдыхает. Я всегда говорила, что тебе надо идти в модели. Жрала б поменьше, сейчас бы по подиуму вихлялась и нас бы с Инессой пристроила в зрительный зал. У вас там олигархи пачками ходят.

– У нас там – это где? – развеселилась Сима. – И что за намеки про «жрала»? Сама же только что сказала, что я похудела.

– Во-первых, я просто хотела сделать тебе приятное. Никогда не верь, особенно в комплименты. А во-вторых, сколько слону ни худеть, жирафа из него не получится.

– Спасибо, дорогая.

– Да пожалуйста. Обращайся. Погоди, сейчас пойдем за сапогами. Нинка! – Чугунова вдруг гаркнула так, что у Симы в ухе что-то лопнуло и тихо зазвенело. – Пригляди, чтобы у меня чего не сперли!

Появившаяся из глубины подсобки напарница Нинка ответила неохотным согласием, и подружки двинулись в соседний отдел.

В обувном отделе маялась рыженькая продавщица, раздраженная до крайности. Причиной ее раздражения явно был печальный худой усач, в отчаянии разглядывавший собственную ногу в высоком зимнем ботинке.

– Мужчина, вам идет. И моделька удобная, и цена хорошая.

– Какой-то стиль совсем молодежный, – понуро бубнил дядька.

– Так и вы, чай, не старик, – вымученно улыбнулась рыженькая. Судя по количеству распакованной обуви, покупатель сидел тут давно и страдал от широты выбора.

– Не старик, но и не соплик какой-нибудь, – солидно хорохорился усач. – Дайте-ка те, вишневые.

– Так-с, юноша, подвиньтесь. – Зойка заполнила своим обаянием, голосом и пышным телом все пространство магазинчика. – Симона, садись. Лилька, это моя подруга, ее надо ошастливать сапогами на каблуке. Ну, ты понимаешь.

– Понимаю, – оживилась продавщица, переключившись на вновь прибывшую. Дядька тоже уставился на Симу во все глаза. Он сидел на самом краешке скамьи, поджав тощие ноги в бордовых носках, и следил, как Серафима стаскивает ботинок.

– Стриптиза не будет, – хохотнула Чугунова. – Во всяком случае, тут. А дальше – как договоритесь.

– Зойка! – покраснела Сима, украдкой покосившись на соседа. Тот тоже заалел, как свежий помидор, и смущенно заерзал.

– Вот, – пресекла зарождающийся обоюдный интерес Лилька. Она сунула Серафиме замшевое нечто, напоминавшее чулок на шпильке. – Тянется на любую ногу.

– Шпилька? – растерянно проныла Сима, пугливо подняв взгляд на Зою.

– Шпилька, – сурово подтвердила Чугунова. – Давай не ерепенься. Или боишься завязнуть в асфальте?

– Я не умею на шпильках. Зима как-никак. Шею сверну на льду, – оправдываться при постороннем мужике не хотелось. Хоть бы ушел он уже, что ли...

– Зима, – презрительно процедила Зоя. – Так что ж теперь, на коньки всем становиться? Меряй давай. Тебе пойдет, зуб даю.

– Да-да, – неожиданно поддержал тему усач. Видимо, ему хотелось хоть как-то завязать разговор, и он воспользовался первой же возможностью. – У вас такие потрясающие ноги, вам обязательно подойдет.

– У вас тоже ноги ничего, – не осталась в долгу Серафима. – Может, примерите?

Мужчина обидчиво затих.

– Знаете, – вкрадчиво подключилась к беседе Зоя, – у некоторых женщин в случае крайнего смущения включается защитный механизм в виде агрессии.

– Да, – подтвердила Сима, вытянув мощную гладкую конечность. – Я крайне смутилась.

Усач, словно загипнотизированный, смотрел на ее ногу, судорожно дергая кадыком. Серафима тоже залюбовалась, после чего рискнула натянуть предложенную обновку.

– Да уж, – вздохнула Чугунова. – Небось Италия?

– Италия, – кивнула Лиля, напряженно следя за Симиными манипуляциями по застегиванию «молнии». Ноги было много, а сапога – мало. – Девушка, вы осторожнее.

– Не, не натянется, – вздохнула Серафима.

– У них в Италии бабы сухие из-за температурного режима, вот они нормальные модели и не делают, – затараторила Зоя. – Но, Симона, я знаю точно: тебе нужен именно высокий сапог. Вот так и вижу тебя в мини-юбке и высоких черных ботфортах.

Усач шумно сглотнул и отвернулся. Наверное, он тоже представил себе обрисованный пейзаж.

– Ботфорты не пойдут, надо просто сапог под коленку, – не согласилась Лиля. – Вот, попробуйте эти. Правда, не шпилька, но вам и не надо, быстро стопчется.

– Ты еще кому-нибудь так скажи – и обязательно схлопочешь сапогами, – предостерегла ее Чугунова. – Чегой-то стопчется-то? Скажи честно, что нет подходящей модели на шпильке.

– Не пререкайтесь, я не хочу на шпильке, я хочу на надежном каблуке, толстеньком, – строго подвела итог Сима. – Давайте эти, без шпильки.

– Можно пригласить вас на чашечку кофе? – просипел усач, когда Серафима, чрезвычайно довольная собой, потопталась в новых сапогах по картонке: обувка оказалась именно то, что надо.

– Во. Значит, идут тебе сапожки. Видишь, как мужчина оживился, – обрадовалась Зоя. – Красота, только росту в тебе теперь метр девяносто, не меньше. Хотя с такими габаритами плюс-минус десять сантиметров – уже не принципиально.

Удивительное дело, но сапоги Серафиму стройнили. Правда, общий вид портила Чугунова, отражаясь рядом на уровне подмышки. Да и продавщица, попавшая в зазеркалье, тоже не дотягивала Симе даже до плеча. Это пугало и нервировало. Нация мельчала, а где ж в таких условиях найти мужчину подходящих пропорций? А если не пропорций в смысле веса и внушительности, то хотя бы роста. Мужикам хорошо, на них спрос всегда был и будет независимо от размеров, а выбор высокой женщины ограничен...

Серафима задумчиво посмотрела на усатого, торопливо сворачивавшего шопинг и зашнуровывающего выбранные ботинки: «Интересно, а он мне по плечо или до уха дотянет?»

Удивительное дело, но резво вскочивший покупатель оказался одного с ней роста, правда, тощ он был до безобразия, да и усы, спускавшиеся до подбородку, его землистую физиономию не красили, навевая мысли о соплеменниках Тараса Бульбы. Но зато было приятно осознавать, что вероятность наличия на земле высоких мужчин не равна нулю, тем более что первый же встречный оказался вполне на уровне.

– Кофейку? – напомнил усач, пытаясь смотреть Серафиме в глаза, но постоянно утекая взглядом ниже. Сима даже знала, куда именно.

Серафима Разуваева очень хотела замуж. До дрожи в ногах и до спазмов в желудке. Чем яростнее мы стремимся к цели, тем дальше она от нас отползает. Еще никто и никогда не предлагал ей руку и сердце и не намекал на взаимообразный обмен. Мужчины иногда напоминали ей цыганок на вокзале, вероломно отхватывающих то, на что рассчитывали, и мгновенно исчезающих в толпе. Но Сима не просто хотела печь кому-то пироги, гладить рубашки и рожать детей. Она хотела любить и быть любимой. Замужество просто как акт гражданского состояния было ей не нужно. Нет, Серафима ждала вспышки, удара в сердце или чего-то похожего, когда вдруг понимаешь, что этот человек создан именно для тебя. Пару раз подобное происходило, но пока Сима разбиралась, вспышка это или так, блуждающий огонек на болоте, предмет страсти, как голодная мышь, выгрызал из мышеловки сыр и трусливо сбегал.

Сейчас у нее даже ничего не екнуло, лишь по поверхности сознания скользнула самодовольная мысль, что она понравилась. Ну пусть даже приглянулась она не как хороший человек, а как обладательница притягательных форм, но приглянулась же! Тем более что в актив помимо груди теперь можно было добавить еще и ноги. Ноги на каблуках и ноги в тапках – это две совершенно разные вещи, не имеющие ничего общего.

– Я кофе не пью, – извиняющимся тоном Серафима пресекла дальнейшие попытки к сближению.

– А что-нибудь покрепче? – не унимался дядька. Наверное, тяжело осознать, что тебе отказывают, поэтому доходит смысл сказанного не сразу.

– С кем-нибудь покрепче, – хохотнула Чугунова. – Симона, ты королева. Ежели б тебя еще поярче накрасить и причесать, цены б тебе не было в базарный день!

– Не все сразу. Зарплаты не хватит, – вздохнула Сима. Удержаться от трат было невыносимо сложно, обновляющийся образ хотелось довести до максимально возможного совершенства: стать блондинкой с приличной стрижкой. Что может остановить женщину, вышедшую на тропу трат? Только кража кошелька. Но у Симы все было проще: оставшихся денег в обрез хватило бы до конца месяца, поэтому пришлось ограничиться сапогами.

– Как ты его отбила, – восторгалась Зойка, пока они шли к выходу. – Молодец, так их. У тебя кто-то есть?

– Тебе соврать?

– Ясно. Но ты не расстраивайся, чем дольше ждешь, тем выше шанс.

– Я, Зой, выросла уже выше всех мыслимых и немыслимых шансов, – вздохнула Сима. – Мой шанс скачет где-то в баскетбольной команде. И не исключено, что в африканской. Ладно, спасибо тебе. Я пошла, бабуля волнуется.

– А у меня новый мужчина, – остановила ее Чугунова. – У него друг есть, рослый такой. Не хочешь вечером в гости зайти?

– А мужчину твоего как зовут?

– Гоча.

– Ясно. Спасибо, Зоенька, но я вечером не смогу.

– Ничего тебе не ясно, – надулась Чугунова. – Они знаешь какие темпераментные, не то что наши. И женщин уважают, и щедрые, и вообще...

– Как в кино, – подсказала Сима. – Ты извини, но мне Алика хватило.

Зоя покраснела и махнула рукой. Она не любила, когда подруга вспоминала эту историю. А вспомнить было что.

В очередной раз познакомившись с «гарным хлопцем» откуда-то с юга, Чугунова решила ошастливить подруг, так как хлопец проживал не один, а с целой бригадой соплеменников: молодых, здоровых и веселых. Инге повезло: она в тот момент отдыхала с родителями на море, поэтому счастье познакомиться с Фариком и Аликом выпало лишь Серафиме.

– Фарик мой, – строгим шепотом предупредила ее Чугунова.

Сима, как раз недавно расставшаяся со своей первой любовью, оказавшейся по результатам общения ошибкой, легко согласилась на вечер в приятной компании.

Алик был высок, чернобров и напорист до такой степени, что умудрился напоить Серафиму и перейти в фазу близких отношений в предельно сжатые сроки. Темперамента его хватило на то, чтобы сломать Чугуновой диван и произвести на Симу неизгладимое впечатление. Дело было еще и в том, что ее первая любовь и первая ошибка был человеком крайне деликатным, интеллигентным и физически слабым, тем разительнее оказался контраст. Алик засыпал ее цветами (благо ими же и торговал днем), пел под балконом, в общем, устроил Серафиме целую неделю девичьих иллюзий. Остановить ее было некому, бабушка возделывала на даче огород, понадеявшись на внучкино благоразумие и оставив ее стеречь квартиру.

Оборвалось все трагически и внезапно, когда Сима уже начала робко представлять себя в белом платье. Однажды утром, когда Алик собирался на работу, в дверь позвонила мрачная худая брюнетка в цветастом платье, золоте и с черным платком на голове. Гортанно прокричав нечто на неизвестном языке, тетка ворвалась в квартиру и набросилась на Алика. Они долго дрались и орали друг на друга, после чего Алик, прижимая к груди одежду, в одних трусах проскакал мимо Серафимы и зашлепал босыми пятками по лестнице, бормоча на ходу ругательства неизвестно в чей адрес. Дурой Сима не была и поняла все сразу, но цивилизованно решить вопрос не вышло. Соплеменница, явно бывшая женой вероломного южанина, расцарапала Серафиме лицо и выдрала клоч волос. Урон был нанесен лишь за счет внезапности нападения, уже через минуту Сима сориентировалась и дала сдачи. Зойка долго путано объясняла,

что ничего не знала, извинялась и пыталась лечить повреждения жеваным подорожником, жуя его на глазах жертвы и норовя налепить на свежие царапины.

Придя к выводу, что менталитет мужчин с рынка ей категорически не подходит, поскольку вступает в антагонизм с ее морально-этическими принципами, Серафима решила в поисках счастья к Зойкиной помощи более не прибегать. Во всяком случае – в части знакомств.

Из магазина домой Сима вернулась на подгибающихся ногах. С непривычки ломило спину, ныли икры и что-то подозрительно похрустывало в коленях. Красота требовала непомерных жертв. Правда, у подъезда Серафима столкнулась с соседом Юрой Востриковским, когда-то учившимся с ней в одной школе, но года на три младше. В старших классах Юра подсовывал ей в почтовый ящик записочки и вялые цветочки с клумбы, украшавшей двор и бдительно охраняемой местными пенсионерками. Потом он куда-то делся, затем вернулся с голенастой девицей, которая вскоре пропала, а Востриковский снова начал краснеть при встречах с Серафимой. Внимание мужчины творит чудеса. Пусть даже он младше и не интересуется как кавалер. Сима томно улыбнулась, напрочь забыв про больную поясницу и гудящие ноги, и начала подниматься впереди Юры, чувственно повиливая бедрами. Востриковский полз сзади молча, видимо в предынфарктном состоянии.

– Как жизнь? – неожиданно нарушила молчание Серафима, перепугав впечатлительного кавалера. Юра затравленно вытаращил глаза и нервно кхекнул, изобразив шеей некое волнообразное движение, символизировавшее полное благополучие и превосходство над проблемами. Из звукового оформления Востриковскому удалось только тяжелое короткое мычание.

– Ну и молодец, – подбодрила его Серафима. – Заходи, если что.

Юра дернул головой и что-то сипло кукарекнул. Вероятно, соглашался зайти «если что».

Защелкнув замок, Сима вдруг вспомнила, что именно так общались в мультике пес и волк. Всклипнув от хохота, она плюхнулась на стул.

– Сима, ты там плачешь? – тревожно крикнула из кухни бабушка.

– Ржу, – с трудом выдавила Серафима и снова зашла в приступе веселья.

– Ты нас отвлекаешь. – Анфиса Макаровна недовольно выглянула в коридор. – Перестань хихикать, весь настрой сбил.

– Вас? Отвлекаю? У тебя наметился очередной тет-а-тет? Бабуля, не пугай!

Последний старый пират, дребезжавший в бабушкину честь песни сомнительного содержания и неумеренно поглощавший алкоголь из семейных запасов, получил отставку еще перед Новым годом, поскольку заснул на лестнице, опозорив возлюбленную перед соседями. Анфиса Макаровна предпочитала не выносить личную жизнь на публику, хотя публика с проницательностью Штирлица отслеживала бабулину жизнь и суммировала разведанные. Анфиса Макаровна была загадочна, странна и своей активностью пугала местный старушечий бомонд как НЛО. Бабки шептались и не одобряли.

– Бабуль, у нас мужчина? – игриво шевельнула бровью Серафима.

– Бестолочь, – бабушка беззлобно махнула рукой.

– Симочка, добрый вечер, – каркнул знакомый старческий голос из глубин квартиры.

«Не мужчина. И это не может не радовать. Кто-то из сподвижниц», – облегченно выдохнула Серафима. Лучше уж всякий наивный оккультизм и очередная хиромантия, чем деды, хитро косящие глазом и пересказывавшие книги про пионеров-героев от первого лица. Они требовали уважения, еды и крова. Ради бабушки Сима терпела, но каждому разрыву отношений радовалась как последнему.

Ничего нового на этой земле еще не придумали. Удивляться не приходилось: сегодня в программе было общение с духами. Сима бабушкины чудачества принимала как данность: Анфиса Макаровна всегда тяготела к чудесам и мистике.

– Симочка, как ты выросла, как похорошела, – робко навела мосты бабулина гостья, Маргарита Дормидонтовна. Она стеснялась сомнительной затеи и робела в присутствии нового лица. Свежий румянец на старческих щеках наводил на мысль о тайне, которой не хотелось делиться. Наверное, бабушка вновь затеяла аферу с потусторонними силами.

– Марго, не отвлекайся. – Анфиса Макаровна сосредоточенно водила листом бумаги перед тощей свечой. Огонек на верхушке истерично дергался, расплавленный воск стекал в блюдце с сушеным горохом, у соседей надрывался тяжелый рок, за окном повывкивала автомобильная сигнализация, на столе перед двумя напряженно замершими бабульками белела свежая брошюра – таковы были реалии колдовства в двадцать первом веке.

На цыпочках прокравшись мимо, Сима заглянула в сковороду – пусто. Пустая тара – еще не трагедия, если ее есть чем заполнить. Например, омлетом или вчерашней вареной картошкой, которую можно разжарить на масле, покрошив лука и чеснока... Поперхнувшись слюной, Серафима тихо чавкнула дверцей холодильника.

– Александр Сергеевич, потухнет ли солнце? – медленно и трагично провела бабушка.

«Не иначе – Пушкин в гостях», – умилилась про себя Сима и мысленно попросила у великого поэта прощения за плотское стремление к чревоугодию.

– Вот, сказал, что потухнет, – удовлетворенно и уважительно констатировала Анфиса Макаровна.

– Александр Сергеевич, солнце потухнет не скоро? – продолжала испытывать судьбу бабуля.

– Уф, – облегченно захрюкала Марго. Надо полагать, что поэт не настаивал на скором конце света.

Серафима заинтересованно уставилась на стол, пытаясь угадать, каким образом дух общается с пенсионерками.

– Спроси что-нибудь менее глобальное, – умоляюще шепнула Маргарита Дормидонтовна. – А то у меня давление подскочило.

– Александр Сергеевич, я выйду замуж? – речитативом проныла бабушка.

От неожиданности Сима выронила сковороду, и та, прогремев набатом, прокатилась по полу. Бабулины планы ужасали своей целеустремленностью и неотвратимостью.

Старухи дружно взвизгнули.

– Извиняюсь, – пробормотала Серафима. – Есть очень хочется. Устала, оголодала, не удержала. Надеюсь, Пушкина это не особо напугало.

– Почему сразу «Пушкин»? – возмутилась Анфиса Макаровна. – Может, мы с Грибоедовым общаемся или с Даргомыжским.

– Тогда я оптом извиняюсь перед всеми, – покладисто согласилась Сима, с неудовольствием глядя на натюрморт. Даже если и удастся согреть ужин, есть все равно негде. Вряд ли великие потерпят картофельно-чесночный дух, а бабушка сейчас готова тигрицей отстаивать их интересы. Тем более что столь животрепещущий матримониальный вопрос так и остался не решен.

Сима деликатно удалилась, но терпения и воспитания хватило ненадолго. Через полчаса желудок сжался от голода и начал выводить такие рулады, что пришлось еще раз нарушить спиритический сеанс. Под восторженные «охи» пенсионерок после вопросов «есть ли шанс у Марго найти приличного мужчину с домиком и участком», «увольят ли депутата, который не реагирует на жалобы», «скоро ли поднимут пенсии», «начнет ли ЖЭК менять трубы» она ворвалась в кухню и предложила сразу перейти к основному вопросу, волнующему человечество: построят ли коммунизм.

Маргарита Дормидонтовна подобострастно хихикнула, а бабушка снисходительно поморщилась:

– Дуреха ты моя. Коммунизм – это плохо продуманная теория, которую невозможно осуществить на практике. Хочешь, мы лучше спросим, скоро ли ты замуж выйдешь?

– Не хочу, – испугалась Серафима, явственно представив, как из загробного мира донесется зловещий хохот и будет выплюнуто решительное «нет». – А почему горох в тарелке? Это что, новая технология?

Бабушка купилась и отвлеклась от скользкой темы внучкиного замужества:

– Ты представляешь, мы с Марго решили сегодня сходить на лекцию в ДК про лунный календарь. Ее так интересно анонсировали...

Бабушку, как обычно, унесло в дебри лишних подробностей. Под неспешное повествование, причудливо перескакивающее с астрологических высот то на обсуждение нравов нынешней молодежи, то на размышления про взаимосвязь между хамством и зарплатой кондуктора, Серафима с вожделием посыпала картофель луком, сдабривала чесноком и возила лопаткой по шкворчащей сковороде. Острое чувство счастья и щемящее предвкушение вкуснейшего ужина переполняли Симу, как закипающее молоко, грозя с аппетитным шипением выплеснуться наружу.

– ... мы с Марго решили выбрать чулки. В конце концов, женщина не перестает быть женщиной даже после смерти. И запомни: мне не все равно, в чем я буду лежать в гробу. Не халат какой-нибудь, а выходное платье. А то я на том свете буду опозорена на всю жизнь. Все будут как люди – в вечернем и парадном, а я как нищенка. Платье, чулки, туфли – все по высшему разряду.

– Так вы чулки на похороны покупали? – бестактно уточнила Серафима.

– Не дождешься! – хехекнула Анфиса Макаровна. – Мы их еще и тут поносим. Да, Марго? Кстати, Марго купила себе колготки сеточкой. Сима, тебе надо это видеть. Уверена – тебе бы пошло, ты девушка крупная.

Серафима ошарашенно уставилась на Маргариту Дормидонтовну, пугливо прятавшую сухонькие старческие ноги под стул. Увидеть удалось лишь костистые коленки, обтянутые черной паутинкой сетчатого капрона.

– В общем, его биополе вычленило нас в толпе, – торжественно объявила Анфиса Макаровна.

Переход был настолько резким, что Сима утерла нить повествования:

– Чье биополе?

Необходимый минимум информации про биополя, карму и энергетические хвосты у Симы уже был, поэтому лишних вопросов она задавать не стала.

– Его! Нет ничего случайного, все преднамеренно и продуманно. Судьба вела нас навстречу друг другу.

Испугавшись, что в квартире поселится новый дед, Серафима печально уточнила:

– А сам он где?

Оставалась еще надежда, что у старикана есть своя жилплощадь и он не уцепится клещом за их квартиру. Как правило, обладатели собственных квадратных метров оказывались менее корыстными, ввали меньше, а вели себя достойнее, поскольку им всегда было куда уйти. Остальные держались за бабулю насмерть, вызывая у Серафимы бешенство наивной стариковской хитростью и маразматическими выходками.

– Он отбыл, – односложно обронила Анфиса Макаровна.

– Ну и хорошо, – повеселела Сима. – Надеюсь, денег на дорогу он у тебя не попросил?

Бабушка обидчиво поджала губы. Пару лет назад она уже оплатила дорогу на Тибет одному юному мерзавцу, представившемуся духовной субстанцией, временно занявшей чужое тело. Субстанции срочно требовалось либо новое вместилище в виде тела пожилой мудрой женщины, либо денег на дорогу до монастыря, где ему помогут уйти в нирвану. Отдавать тело бабушка поостереглась, поэтому пожертвовала пенсией. Серафима до сих пор поминала бабуле

тот печальный случай. До монастыря субстанция так и не доехала, будучи отловлена доблестной милицией во время очередного торга с доверчивой старушкой. Прыщавую юношескую физиономию показали в криминальных новостях с просьбой ко всем пострадавшим позвонить по указанному в бегущей строке номеру.

На сей раз, вероятно, схема обмана была другой. Либо старухам встретился обычный псих, намоловший ерунды и «отбивший» в неизвестном направлении.

– Великому не нужны деньги на дорогу. Ты еще слишком мала и глупа, чтобы понимать такие вещи, – снисходительно пояснила бабушка. – Он отбыл в другой мир, оставив нам, избранным, ключ к потустороннему.

Сима с жалостью посмотрела на бабулю. Анфиса Макаровна всю жизнь отдала внучке, так и не устроив личного счастья, хотя и пыталась. И теперь, на старости лет, ей страстно хотелось заполнить хоть чем-то образовавшиеся пустоты. Именно в эти пустоты и лезла нечисть со всякими аферистами и шизофрениками.

– Почему нам обошелся ключ? – сразу перешла к делу Сима. Ей было обидно за бабушку, явно в очередной раз попавшуюся на удочку к мошеннику.

Вопрос попал в точку. Анфиса Макаровна покраснела и засуетилась, бестолково перекаладывая на столе атрибутику. И тут Сима четко осознала, что поторопилась с покупкой сапог. Судя по бабушкиному смущению, «ключ» обошелся недешево.

– Симочка, ты не понимаешь...

– Куда уж мне. – Даже шкворчавшая картошка перестала казаться соблазнительной. Настроение тяжелым булыжником катилось в пропасть. До зарплаты еще надо дотянуть, но вот как?

– Это истинное знание, а не псевдотеория какая-нибудь. Он дал нам книгу...

– Вот эту? – Серафима брезгливо ткнула в свеженапечатанную методичку, выглядевшую крайне несолидно и возмутительно.

Из дальнейшего сбивчивого повествования, во время которого Марго порывалась уйти, но бабуля, пугаясь остаться в меньшинстве, держала подругу за подол, выяснилась методика общения с духами.

Вызвать можно кого угодно, ибо «книгу мудрости» составлял Наивеличайший из Великих, а посему все обязаны подчиняться зову его сподвижников. Сухой горох валяется на блюде не просто так, а вбирает в себя духов-прилипал, вырывающихся из загробной реальности за компанию с вызванным. Само же общение было довольно односложным: если огонь после вопроса продолжает гореть – ответ «да», если потухнет – «нет». Духи не любят говорить «нет», посему, после того как свеча в первый раз потухнет, следует немедленно свернуть процедуру. Во время ритуала необходимо водить перед огнем листом особой бумаги, выданной Великим.

– Мракобесие какое-то. – Серафима взяла упомянутый «специальный лист» и, резко взмахнув им, строго спросила: – Стоит ли верить Великому?

Хилый огонек погас, выдохнув тощую струйку серого дыма.

– Вот так, – удовлетворенно оповестила притихших старух Сима.

– Это совпадение, – первой отмерла Анфиса Макаровна.

– Разумеется, – кивнула Сима. Какой смысл пытаться доказать свою правоту, если деньги все равно уже не вернуть? Ссориться и убеждать логично лишь тогда, когда еще можно на что-то повлиять. А так – лишь трата нервных клеток.

Сапоги на работе не оценили. Почему-то Серафима была уверена, что обновку заметят сразу, начнут обсуждать, хвалить, но... Ничего такого не случилось. То ли люди очерствели, и всем было глубоко наплевать друг на друга, то ли это распространялось только на нее, так или иначе комплиментов Серафима не дождалась. Лишь Михаил Владленович, привычно присло-

нившись к объекту страсти в коридоре, в замешательстве обнаружил, что все, в том числе и бюст, находится не на привычном месте, а выше.

– Подросла, что ли? – неуверенно моргнул он и отступил.

– Или вы утопались, – парировала Сима и в растрепанных чувствах вернулась на место. В течение дня она предприняла еще несколько попыток засветить новые сапоги, но процедура так и не увенчалась успехом.

Тем не менее себе Сима категорически и бесповоротно нравилась. С этим ничего нельзя было поделать. Старые туфли она тщательно упаковала в мешок, твердо решив более это убожество не надевать. Как алкоголик с понедельника решает завязать, так Серафима в очередной раз начинала новую жизнь.

– Разуваева, что у тебя вечно пакеты какие-то валяются, как у бабки-мешочницы? – Лиза раздраженно заглянула под стол. – Будь хоть немного женщиной, а не кошелкой. Если ты вообще понимаешь, что такое женщина.

«Ясно, – успокоила себя Сима. – Не в духе. Либо критические дни, либо проблемы личного характера. Как же она меня достала. Восстать, что ли?»

Новые сапоги и проявившаяся красота ног прибавляли уверенности в завтрашнем дне и будоражили кровь. Тем более что новую жизнь нужно начинать с кардинальных перемен и смены власти.

Серафима старалась относиться к чужим истерикам спокойно. Своих проблем полно, а тут еще посторонние люди пытаются обломать об тебя свое плохое настроение, вызывая на конфликт. Самый замечательный способ ответного удара – отсутствие реакции. Сима всегда представляла себе, как оппонент берет максимальный разбег, чтобы протаранить стену ее сопротивления, а она – раз и отходит в сторону, злорадно глядя вслед обидчику. Чем больше разбег, тем дальше улетит.

Симбирцева на сей раз «улетела» совсем далеко:

– С тобой невозможно работать, я тебя иногда боюсь. Ну чего ты так уставилась на меня, что за тупые улыбочки? Может, тебя интересуют не мужчины, а женщины? Сходи, на гормоны проверься. Корова тупая, сидит и лыбится! Просто жуть какая-то.

Обманчивое молчание со стороны Серафимы только подстегнуло Лизу к дальнейшему развитию темы.

– Слышала бы ты, что про тебя мужики говорят в курилке. Да если бы про меня хоть один процент от всех тех ужасов кто-нибудь озвучил, я бы удавилась. А как они ржут! Мерзко и похабно!

– Я смотрю, тебя тоже противоположный пол раздражает, – сочувственно кивнула Сима, болезненно пережив намек на то, что ее обсуждают. Конечно, Симбирцева могла врать, а что, если нет?

– Меня ты, ты раздражаешь! Просто бесишь! Сидишь тут, котомки, как бомжиха, разложила и дышишь! Шевелишься! Да нормальную женщину твое общество вообще компрометирует! – взвизгнула Лиза.

Серафима медленно поднялась и доброжелательно поинтересовалась:

– В глаз хочешь? Или под дых? Нет, лучше в глаз, так эффектнее будет.

Лиза, теперь казавшаяся с высоты Серафиминого роста еще мельче, обалдело моргнула. Юная начальница настолько привыкла к покорному молчанию подчиненной, что теперь изумилась так, словно телефонный аппарат на ее столе ожил и потребовал независимости, пытаясь перекусить провод.

– Ты что себе позволяешь? – ахнула Лиза. – Хамка! Совсем страх потеряла! Да я тебя сейчас уволю!

– Я вот сейчас тебе вломлю за «тупую корову», – задумчиво рассуждала Серафима, – а потом пойду и поставлю шефа перед выбором: либо я, либо ты. С кем спать, он всегда найдет и без тебя, а вот диспетчера на такую зарплату – вряд ли.

Еще вчера Лиза Симбирцева пропустила бы подобное замечание мимо ушей, но сегодня...

Сегодня все с самого утра пошло наперекосяк. Утром, по дороге на работу, она внимательнейшим образом прослушала свой гороскоп, гласивший: «Сегодня день начала важных дел. Если и закладывать крутые виражи на линии судьбы, то именно сегодня!» Вираз она заложила, едва добравшись до фирмы.

Из солидно поблескивающего джипа, словно тля из капустного кочана, выбирался Бобриков. Виктору Николаевичу с его простецко-пролетарской физиономией, плюгавым ростом и веснушчатой плешью категорически не шел столь пижонистый автомобиль. Более гармонично шеф смотрелся бы рядом с битым «Москвичом» или «Окой». Хотя если продолжить ассоциативный ряд, то и в качестве спутницы жизни ему более подходила потрепанная жизнью супруга, а вовсе не юная и свежая Лизочка. Но последняя искренне считала, что банковский счет окупает как все известные, так и еще не раскрытые ею недостатки босса.

Реакция Елизаветы была спонтанной и по-женски непредсказуемой.

– Витюша! – Она полетела наперерез Бобрикову, косолапо перебиравшемуся через слякотные лужи и отчаянно чертыхавшемуся. – Я решила!

– Погоди, – недовольно осадил ее Виктор Николаевич. – Надо бы организовать, чтобы стоянку нормально чистили. Безобразие, понимаешь. Иду, как ледокол, по колено в жиже.

– Витя, не надо больше этой глупой конспирации. Я больше не буду скрывать наши отношения. Я согласна любить тебя открыто. Жизнь дается один раз, и брать от нее надо все! Почему мы должны давить свое чувство в угоду общественной морали? Я абсолютно не стесняюсь нашего чувства, вот так!

«Хорошая была бабенка, крепенькая такая, ну да ладно...» – элегически подумал Бобриков и, скупно улыбнувшись, прошлепал мимо.

– Витя, ты оглох! – Лиза посеменила следом. – Я больше не стесняюсь нашей связи, я ею горжусь. И пусть все знают. Это не страшно, что у нас такая разница в возрасте. Если родители будут против, я готова любить тебя вопреки их воле и без их благословения.

– Ой, – лучась ехидным добродушием, шеф расплылся в язвительной улыбке. – А то никто не знал, что ты гордишься. Готова она. Эх, молодежь. Все бы вам сразу да на блюдечке.

– Витюша, я не понимаю...

– Ты не расстраивайся. – Бобриков, весело мотая ушастью головой, бодро пошагал на проходную.

– Я и не расстраиваюсь. – Лиза недоуменно перебирала ногами, стараясь не отставать. – Ты не понял, я готова связать с тобой жизнь, понимаешь?

– Чего ж не понять, – внезапно остановился Виктор Николаевич. – Очень даже понимаю. Все хотят. Тебе работать здесь нравится?

– Да, – попятилась девушка, как раз планировавшая уволиться и осесть дома, лишь изредка набегая на фирму в роли хозяйки. Но, по идее, Витюша сам должен был предложить ей этот вариант. Не к лицу жене миллионера работать. Нынешняя супруга Бобрикова в качестве соперницы не рассматривалась, потому что – смешно. Где она, а где Лизочка.

– Ну вот и работай. Или не работай, – непонятно пошутил шеф, потрепав Симбирцеву по щечке.

Никогда нельзя переоценивать свое влияние на мужчину. Конечно, излишние комплексы и заниженная самооценка еще никого до добра не доводили, но и в гордости за себя, любимую,

надо знать меру. Лиза была еще слишком юна, чтобы правильно оценивать позиции и перспективы. И слишком самоуверенна, чтобы вовремя остановиться.

– Я даже не знаю, – кокетливо протянула она, в недоумении догоняя босса, который слишком быстро удалялся, даже не озаботившись тем, чтобы удостовериться: понята ли его шутка. То, что сказанное шуткой не было, Елизавете даже в голову не приходило. – Вообще-то, я бы лучше не работала.

– Тогда пиши заявление на увольнение через две недели. Раньше никак, нужно тебе замену найти.

Слово «замена» Лизе не понравилось. Оно было подозрительным и скользким, как змея за пазухой. Что-то было не так. В воздухе сгущалась фатальная необратимость негативных изменений в Лизочкиной судьбе.

Именно поэтому, вместо того чтобы вступить в конфронтацию с Серафимой, начальница внезапно притихла в углу, погрузившись в невеселые размышления о стратегии дальнейшего поведения.

– Лиза, ты сегодня очаровательно выглядишь. – В операторскую ввалился Вова Хрящиков со сникерсом в потной ладошке.

Серафима тут же злорадно представила, во что превратился шоколадный батончик, нервно сжимаемый хрящиковской лапкой.

– А я? – басовито хохотнула она, выставив в проход ногу на новом каблуке. Щуплого Вову такой ляжкой можно было только напугать, но никак не вдохновить на комплимент. Переступив через Серафимины прелести, как через бревно, Вова застенчиво протянул сникерс Лизе.

Серафиме этот кусок шоколада с орехами даром был не нужен, хотелось мужского внимания, отсутствие которого особенно остро сказывалось на фоне покупки сапог и обновленного построившегося образа.

– Я на диете, – буркнула Симбирцева, нервно вскочив и выбежав из комнаты.

Где-то за Серафиминой широкой спиной Хрящиков тыкал кнопки мобильного.

– Алло, мама? Она не взяла, сказала, что на диете... Нет, я все правильно сказал, а она убежала. Смутилась? Нет, вряд ли. По-моему, она не ест сникерсы вообще.

Сима вздохнула. Робкому программисту хотелось посочувствовать, как бездомному щенку, брошенному под дождем. Вроде и пригрела бы, да он потом писаться будет и обувь грызть. Но объективно – жаль.

– ... Цветы? Нет, мам, это слишком явный намек. Тем более что директору может не понравиться. Я же не конкурировать с ним собираюсь, а так... Нет-нет, здесь никого нет, только операторша.

«Мерзавец малолетний», – огорчилась про себя Серафима. Жалость к отвергнутому Хрящикову моментально испарилась.

– Разуваева, – из кабинета высунулся шеф, едва не размазав программиста дверью по стене. Вова не дышал и не шевелился, сжавшись до состояния сухого листа. – Подыщи-ка мне на всякий случай еще одного оператора. Пособеседуй там... Ну сама знаешь. Чтобы в теле и ноги красивые.

– Такие? – нагло уточнила Сима, предъявив боссу «козырную карту».

Бобриков задумчиво притих, потом с интересом взглянул на грудь: – Примерно. И верх чтоб тоже был... того... В общем, чтобы был.

Взгляд директора согрел Симу, как свежий горчичник, обдав сердце жаром. Хоть и плюгавенький, а все ж мужчина. А мнение мужчины, даже такого, на счет которого дама не строит абсолютно никаких планов, – сильнейший стимул для самосовершенствования и роста самооценки.

– Мама, а может, ну ее? – подал голос забытый за дверью Хрящиков. – А сникерс я сам съем. Тут как-то сложно все, не разобраться.

«Наверное, надо все же еще и постричься», – рассудительно констатировала Серафима, все еще пребывая под впечатлением от директорского замешательства. Но совести и моральных сил на столь решительное действие у нее не было. Разумеется, она могла бы потратить оставшиеся деньги на парикмахерскую и посидеть на диете, но как быть с бабушкой? Ее-то кормить все равно надо!

Иногда бывает, что решение кажется нам окончательным, поскольку оно тщательно взвешено, продумано и обосновано. Так бегуну на длинную дистанцию в середине пути становится ясно, что нужно либо упасть и отдышаться, либо умереть, сделав следующий шаг. Ключевое слово – «кажется». В какой-то момент должно открыться второе дыхание.

У Серафимы этот момент настал после обеда. Молодой человек с приятным голосом ошибся номером, а Серафима, раздухарившаяся на почве начальственного внимания к своей персоне, неожиданно решила пококетничать.

– Увы, но вы не туда попали, – мурлыкнула она, удивляясь собственной лояльности. Обычно с попавшими «не туда» Сима не церемонилась.

– Зато как было приятно услышать ваш голос, – не остался в долгу собеседник.

Для зарождающегося чувства зачастую необходимо элементарное стечение обстоятельств. В данном случае оба партнера были расположены с легкому флирту. Бессмысленно-игривый диалог привел к тому, что Сима неожиданно для себя оказалась приглашена на свидание. Сей приятный факт она осознала, лишь повесив трубку.

– А вдруг это судьба? – заволновалась мадемуазель Разуваева и бросилась на поиски Лизы.

Симбирцева нашла в курилке. Она мрачно пускала в потолок колечки дыма и хмурилась.

– Мне надо уйти. Срочно. Иди, подмени меня, – поторопила ее Сима. Раз уж начала новую жизнь, то не стоит церемониться и рефлексировать по поводу субординации. Тем более что в отделе намечается ротация кадров. Вероятно, Лиза тоже чувствовала приближающиеся изменения, а посему спорить не стала, злобно затушив сигарету и промаршировав мимо довольной собой Серафимы.

Мороз немилосердно щипал за нос, щеки заledenели, а изо рта вырывались клубы пара. Серафима чувствовала себя революционным паровозом, рвущимся навстречу грандиозным свершениям. Встреча должна была состояться в метро, под часами. Это было так волнительно и романтично, что Серафиму от переизбытка эмоций начало потряхивать. Она сто лет не была на свидании. В вагоне Сима уже настолько вошла в образ, что в каждом мужчине ей мерещился тот самый рыцарь, который так взволновал ее по телефону бархатным голосом и расплывчатыми комплиментами. Глупые мысли из серии «а вдруг я ему не понравлюсь» Серафима гнала прочь, как похмельный дворник, расчищающий путь метлой: зло и решительно. У нее были новые сапоги, роскошные ноги и свежая стрижка цвета «пепельный блондин». Так называли этот цвет в салоне, хотя Серафима была уверена, что стала светло-русой.

Мужчин под часами было столько, что разбегались глаза. К сожалению, выбирать было нельзя, поскольку далеко не все пришли на свидание именно к Симе. А жаль.

Она выбрала бы вон того рослого блондина... Нет, к нему уже подгребла какая-то пухлая кнопка... Целуются. Не то. Тогда вон того здоровяка в кашемировом пальто и при галстуке. Вполне уважаемый и надежный. Мужчина не должен быть красавцем, он даже имеет право не понравиться с первого взгляда, но он должен затронуть в женском сердце что-то такое, что не позволит его отпустить, что будет волновать и будоражить. Настоящая любовь необязательно начинается с первого взгляда, она может начаться даже не с первых слов, а

лишь тогда, когда человек раскроется полностью. Как непрезентабельный зеленый бутон среди густой травы вдруг однажды явит миру нежные лепестки цветка, так и истинная сущность мужчины может скрываться в неинтересной оболочке без широких плеч и красивых глаз, но зато однажды она, эта сущность, тоже предстанет перед избранницей во всем великолепии...

Нет, кашемировый тоже уходил с ярко окрашенной теткой. Снова не судьба. Ну и ладно. Может, у него характер поганый или совести нет. Или еще какие дефекты, не совместимые с семейной жизнью.

Серафима придирчиво оглядела мявшихся у стены мужчин, запоздало сообразив, что не спросила у кавалера имя. Единственной приметой, которую он назвал, была темная куртка. Как назло, под это описание подходила добрая половина ожидавших. Сима же на вопрос, как ее узнать, легкомысленно и самонадеянно чирикнула, что будет самой роскошной девушкой под этими часами. Теперь она опасливо сравнивала себя с представительницами женского пола, крутившимися в непосредственной близости, волнуясь, что ее мужчину по ошибке уведет другая.

– Добрый вечер, – проникновенно шепнул кто-то рядом. Сима оглянулась: рядом стоял брюнет весьма ординарной внешности, с жесткой щеточкой усов над тонкими губами, внимательными глазами и взлохмаченной копной коротких волос. Голос она не узнала и вполне допускала, что брюнет мог ошибиться.

– Добрый, – настороженно кивнула Серафима. – А пароль?

– Вы самая роскошная девушка под этими часами? – улыбнулся брюнет, весело прищурив глаза. И Сима вдруг стыдливо подумала, не помешают ли усы целоваться.

Не помешали.

Правда, ничего больше она ему и не позволила, твердо отстранив провожатого от дверей подъезда. Рыцарь, не ожидавший от женской ручки такой силы, едва не кувырнулся в сугроб.

– Антон, я не такая, – посуровела Серафима, поперхнувшись глупостью и банальностью фразы.

– Тогда еще один поцелуй, – пылко вцепился в ее шарф Антон. – Только один.

Одним они, конечно, не ограничились, но расстались более-менее удовлетворенные знакомством.

– Богиня, – прошептал он на прощание.

– Ну дак, – смущенно хихикнула Сима, захлопывая дверь. Теперь оставалось лишь ждать: телефон и адрес у Антона были.

– Позвонит – хорошо, нет – тоже не смертельно, – спокойно рассудила Сима. – Мужчина – как шоколад: вредный, но вкусный. Иногда для здоровья полезнее посидеть на «одинокой» диете, чем дежурить в прихожей со скалкой, обыскивать карманы и по ночам проверять эсэм-эски в мобильнике кавалера. Что ни делается – все к лучшему.

Серафима была мудра, как никогда. И по-женски последовательна. Поэтому ждать звонка она начала, едва расставшись с Антоном. Сима поминутно поправляла трубку на домашнем аппарате, хваталась за мобильный, в общем, вела себя как мышь в террариуме. Бабушка понимающе закатывала глаза и изнывала от любопытства. Перед сном, подловив Серафиму ползущей вдоль плинтуса и инспектирующей целостность провода, Анфиса Макаровна шепотом спросила:

– Он кто?

– Да так.

– А откуда взялся?

– Откуда и все.

– У вас серьезно? – Бабуля, наткнувшись на глухую оборону, начала рыть подкоп.

– Пока никак.

– А чего ты тогда, как клоп, по плинтусу ползаешь, провод щупаешь? Или это у него «пока никак», а у тебя как раз серьезно?

– Ну, бабушка! – взвыла Сима. – Я не знаю. Мы просто погуляли.

– Ай, ладно тебе. – Бабушка знала, что ничего «просто» не бывает. – Я в окно видела, как вы подходили, а потом тебя нет и нет, вот я и спустилась проверить. Слышала, как вы там об дверь снаружи терлись.

– Да? – опешила Сима, но все же нашлась: – А чего ж тебе тогда сразу у меня не спросить, когда дети будут?

– В такой-то мороз? – ухмыльнулась Анфиса Макаровна. – Насчет детей мне все пока ясно, а вот простуда на губе запросто может вскочить. Ты мне скажи, порадоваться за тебя уже можно или еще рано?

– Не знаю я, – сдалась Серафима.

Несмотря на подробнейший пересказ истории знакомства, бабушка осталась недовольна.

– Что за легкомыслие в твои-то годы? Где живет – не знаешь. Женат или нет – не уверена. Кем работает – непонятно. Сколько получает – загадка. И кто ты после этого?

– Кто? – опешила Сима.

– Свистушка. Малолетняя. Очень безответственный подход.

– Да я вообще не собиралась к нему подходить! Больно надо!

– Ну да. Ты собиралась подползать, – язвительно намекнула бабушка на недавний Симин демарш вдоль плинтуса. – И нечего тут стесняться. Одинокая женщина так же аномальна, как верблюд на льдине. Лучше ошибаться, чем вообще ничего не делать. Когда к чему-то стремишься, есть шанс хотя бы раз не ошибиться, а если просто сидишь квашней, то и шансов нет.

– И какие выводы?

– На какие ума хватит, такие и выводы, – туманноотреагировала бабуля. – Иди спать.

На работу Серафима шла, как на свидание. А как же? Мало ли, вдруг Антон вечером опять захочет встретиться?

Да и вообще, начав новую жизнь, надо менять привычки.

Первым нововведением стала зарядка. Попрыгав под звон посуды в серванте и пару минут помахав ногами, Сима подумала, что не в зарядке дело. Тем более что делать ее было холодно и лень. Надо было стать ярче и привлекательнее не только в своих глазах, но и в глазах окружающих. То есть накраситься и приодеться.

Первым Симу оценил сосед Юра. Реакция ей понравилась: Востриковский открыл рот и замер, вжавшись в почтовые ящики.

– Ну как? – пробасила Серафима, имея в виду себя.

– Хорошо, – выдал Юрик, имея в виду светскую беседу про погоду и самочувствие. На самом деле ни в погоде, ни в самочувствии ничего хорошего не было. На улице свирепствовала яростная метель, а самочувствие у Юры было близко к простудному, так как он уже сорок минут маялся в холодном подъезде, ожидая Серафиму. Сима всегда была для Востриковского эталоном женщины, поэтому никаких особых изменений в ее внешности он не заметил.

Удовлетворенно хмыкнув, Серафима проплыла мимо.

– Какие у тебя духи вкусные, – жалобно проблеял вслед Юрик.

– Вот черт! – Сима в сердцах шлепнула себя по бедру с таким сочным звуком, что Востриковский едва не упал в обморок от избытка эмоций. – Молодец! Забыла я подушиться-то!

– Тебе и не надо, – обреченно шепнул Юрик вслед уносившейся домой богине. Он так и остался стоять внизу, вслушиваясь в тяжелый гул бетона под Серафиминой летящей походкой.

– Плохая примета, в зеркало посмотришь, – неодобрительно вздохнула бабуля. – Фея.

– Да, я такая, – Серафима величественно качнула бюстом, любовно оглядев в зеркале отражение. – Королевна!

– Иди уже, королевна, а то на карету опоздаешь.

Юра все еще маялся внизу.

– Ты чего здесь? – удивилась Сима, в принципе догадываясь «чего».

– Жду, – честно ответил Востриковский, преградив выход. Когда-то надо было определяться в конце концов.

Такой прыти от стеснительного соседа Сима не ожидала. Все бы ничего – и фигура вполне, и рост не подкачал, и не дурак вроде – но три года разницы были абсолютно неприемлемым моментом.

Тет-а-тет нарушила Инга. Когда Востриковский, судя по остекленевшему взгляду, уже нацеливался на поцелуй, вниз пополз лифт. Из кабины доносилось фальшивое, но энергичное пение:

Если вам немного за тридцать,
Есть надежда выйти замуж за принца...

До этих самых тридцати двадцатишестилетней Инге Бартышкиной было еще жить и жить, но тем не менее шансов выйти замуж за принца у нее не было ни сейчас, ни тем более после тридцати. Бартышкина была особой крайне утонченной, интеллигентной, доверчивой и слегка оторванной от реальности. Она была экстравагантна до невменяемости, наивна до идиотизма и доброжелательна до инфантилизма. Такой набор добродетелей провоцировал мужчин использовать Бартышкину самым непорядочным образом, после чего безболезненно с ней расстаться. Инга не устраивала истерик, легко давала деньги в долг, если они были, и не требовала клясться в любви и верности.

– Ты сама их портишь, – злилась по ее поводу подруга Зойка. Серафима занимала нейтральную позицию. Если Зоя пыталась каждого удержать силой и, дай ей волю, сажала бы кавалеров на цепь, то Сима была уверена, что рано или поздно любой мужик с цепи сорвется.

– Ты не представляешь, – свирепела Чугунова, – что она на работе творит. Хорошо хоть товар не дает домой мерить.

Работали они обе в том самом торговом комплексе недалеко от дома. И если Зойка вписывалась в рыночные отношения вполне органично, то Инга была там элементом чужеродным, как самовар на выставке богемского стекла.

– Доброе утро. – Сегодня Бартышкина была, как всегда, в своем репертуаре: светлая улыбка пятилетнего ребенка, кудряшки над лимонной вязаной полоской, прикрывающей лоб, куртка с орнаментом из собачек, кошечек и портретом Ди Каприо во всю грудь, а также разноцветные полосатые рейтузы. – Я не помешала?

– Да.

– Нет.

Нестройный хор полярно различающихся ответов сбил Бартышкину с толку.

– Точно не помешала? – напряглась Инга, выбрав в качестве собеседницы Симу.

– Конечно, нет, – Серафима примирительно погладила вспыхнувшего Юру по плечу и медленно моргнула. Если бы ее кто-нибудь спросил, что такое она пыталась изобразить, то Серафима вряд ли смогла бы членораздельно ответить. Подсознательно отказывать Востриковскому Ёраз и навсегда» не хотелось. Мало ли. Как говорила бабушка: не плюй в колодец.

– А я пошла на курсы вождения, – поделилась новостью Инга. – Папа хочет мне свою старую машину отдать. Здорово?

– Не то слово, – кивнула Сима, подумав, что с того момента, когда Бартышкина впервые отправится в самостоятельное «плавание» за баранкой папиных «Жигулей», придется относиться к переходу проезжей части более бдительно.

Молча втроем они дошагали до остановки, где Инга, неожиданно тепло и грустно улыбувшись Востриковскому, пошла в свой магазин, а Серафима вновь осталась наедине с взволнованным соседом. Он тревожно смотрел вслед Инге, недоуменно морща лоб. Серафиму столь странное прощание тоже озадачило, и она решила перезвонить подруге с работы, чтобы уточнить подробности. Подошедший автобус рассеял замешательство, и они с Юрой дружно ринулись на штурм. Востриковский как порядочный всю дорогу до метро пытался сохранять между ними дистанцию, что в условиях часа пик было затеей провальной и раздражавшей окружающих. Отстраниться от Серафимы ему удавалось лишь на доли секунды, после чего плотная пассажирская масса с размаха вlepляла его в Симины формы. Юра краснел, переживал и страдал.

– Лучше расслабься и получи удовольствие, – успокоила его Сима. Ничего особенного она в виду не имела, но Юра, настроенный на совершенно другую волну, пошел пятнами и неожиданно взялся за ее грудь.

– Не в этом смысле, – обозлилась Серафима. – Просто не рыпайся, а то все пуговицы мне оборвешь.

Судя по Юриному взгляду, он перешел в параллельную реальность и Симу не слышал.

«Я действую на мужчин гипнотически», – самодовольно подумала Серафима, легко и ненавязчиво ткнув кавалера коленом в нужное место. Он хрюкнул и вернулся с небес на землю.

Не успела мадемуазель Разуваева отойти от утренней поездки с юным поклонником ее форм, как нахлынули вчерашние воспоминания, разбуженные звонком Антона.

– Я скучал, –дохнул он в трубку и томительно затих.

– И я, –взволновалась Сима, глупо добавив про себя «и я, и я, и я того же мнения». Это были нервы. Не пристало взрослой, знающей себе цену женщине так смущаться и психовать. Подумаешь, мужчина позвонил. Мало ли... Но с адреналином, выплеснувшимся в кровь, не поспоришь. Руки тряслись, уши заложило, а щеки полыхали.

– Я не спал всю ночь...

– Я тоже, – Серафима стыдливо вспомнила, что заснула, едва только голова коснулась подушки. Но это же ничего не значило. Крепкий сон тоже мог стать следствием сильных переживаний, даже стресса. А как же: когда у тебя столько времени нет мужчины, то поцелуй на морозе с едва знакомым кавалером – стресс! Тем более что планируется продолжение.

– Мы увидимся? – Антон говорил интимным полупшепотом, от которого по Симиной спине волнами кочевали мурашки.

Тут она сообразила, что пора немного покочевряжиться, а не идти покорной овцой в открытое стойло:

– Ну, я как-то не думала...

– А ты подумай. – Серафима по голосу чувствовала, что Антон улыбается. Конечно, все ее хитрости шиты белыми нитками, но игра есть игра, а правила есть правила. Ценится лишь то, что тяжело дается. Серафима твердо решила «даться тяжело». То, что само свалилось в руки, потом не жаль и потерять, а вот то, за что бился, будешь беречь и охранять всегда.

Антон ей нравился. Наверное, даже больше, чем нравился. Именно поэтому Сима понимала, что ошибиться нельзя. Хотя особой уверенности, что получится выдержать характер до конца, у нее не было. Хотелось согласиться на все и сразу, наплевав на условности.

Наплевать на условности гораздо проще, чем удержаться в рамках, прописанных общественной моралью и собственной логикой. Серафима увязла в чувствах к Антону, как колхозный трактор в трясине. Она и ненавидела себя за слабость – и наслаждалась ею. Если мужчины пугливо съеживаются, когда ты резко взмахиваешь рукой, если в транспорте с тобой не отваживаются вступать в конфронтацию, если соседка просит помочь передвинуть шкаф, уважительно глядя снизу вверх, то иногда чудовищно хочется ощутить себя слабой и беззащитной

Дюймовочкой. С Антоном она чувствовала себя именно так. Счастье плескалось в Серафиминной душе, как вода в переполненном ведре, обдавая брызгами окружающих.

Если сравнивать жизнь с пустыней, обезвоженной, утомительной, кишасей змеями и скорпионами, то Антона с полным правом можно было бы назвать оазисом. Кто-то так и погибает в песках, а кому-то везет. Серафиме повезло, но она все еще боялась поверить в свое счастье. Судьба ее не особо баловала подарками. Детство прошло в крайней бедности: родители пили, потом и вовсе оставили дочь сиротой, угорев в бане. В жизни девочки ничего не изменилось: она почти с самого рождения жила у бабушки, но в душе поселился стойкий привкус полного одиночества. Ей всегда не хватало любви или просто казалось, что не хватает. Еще подростком Серафима поняла: окружающий мир вовсе не дружелюбен и не расположен прощать ошибки. А она вся была сплошная ошибка: полная, крупная, неуклюжая и уязвимая. Прыщи, немодная одежда, строгая бабушка, не отпускавшая в клуб, – как мало надо, чтобы почувствовать себя изгоем. Слишком рано созревшая, слишком рано обманутая, слишком рано разочаровавшаяся. С годами Серафима научилась бороться, нарастила крепкий панцирь, но внутри этого панциря она осталась все той же ранимой пухлой девчонкой, горько рыдавшей перед бесстрастно честным зеркалом. Сима пыталась плыть по течению, но оно все время меняло направление, она училась на чужих ошибках, мудрела, но окружающие становились все изощреннее в своей хитрости, она научилась держать удары, ассимилироваться с враждебной средой, но хотелось не борьбы, а гармонии. И вот такую – глупую, зажатую, прикрывавшуюся грубоватой самоуверенностью – и полюбил Антон. Как легко было ему верить и как тягостно бояться грядущей потери.

Второе свидание стало решающим. Серафима летела на крыльях любви, стыдливо волнуясь, не похожа ли она на летающую корову из «Тайны третьей планеты». Ей хотелось быть утонченной, воздушной и романтической, чтобы понравиться.

Бабушка всегда говорила, что женщин можно поделить на два основных типа: баба и фифа. Баба – это у Некрасова, которая «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». А фифа – это блоковская Незнакомка. Первая нужна для жизни, она надежна и стабильна, как бетонный фундамент. Вторая – для мимолетной улады взора и поддержания мужского «эго»: слабая, хрупкая и зависимая. С такой каши не сварить, детей не нарожаешь, разве что переспать пару раз для эстетического наслаждения и вернуться к первой. Суть бабулиной теории сводилась к следующему: женятся на бабах. Лучше быть бабой, к которой мужик возвращается, подняв самооценку, чем фифой, от которой уходят с чувством глубокого удовлетворения. Серафиме эта теория казалась слишком примитивной. Жизнь все же была многограннее, чем ее представляла себе Анфиса Макаровна. Согласно бабушкиной теории Серафиме повезло. Но любому человеку хорошо там, где его нет. Особенно это касается женщин. Худые пытаются поправиться, полные – похудеть, брюнетки перекрашиваются в блондинок, блондинки – в рыжих, рыжие бреются наголо, кудрявые распрямляют волосы, обладательницы коротких стрижек отращивают косы, а те, у кого косы уже есть, стригутся. Процесс тюнинга женской внешности бесконечен и многообразен. У Серафимы тоже все было не так, как мечталось. Гибкий стан, аристократическая бледность, тонкие запястья – сны, грезы и недостижимый идеал.

Вот и с Антоном хотелось быть той, которая «дыша духами и туманами», а вовсе не бетонным фундаментом, на котором будет построен крепкий уютный дом. То есть, конечно, и фундаментом быть хотелось, это даже было бы легче, но Серафима боялась, что Антону больше импонируют хрупкие томные создания, рядом с которыми так просто чувствовать себя сильным и мужественным. В тени Симы мужчины терялись, как опята в тени раскидистой ели. Логика подсказывала, что противоположный пол предпочитает доминировать. А подоминируй тут – под елью.

Антон был открыт и бесхитростен, как банный таз – весь на виду. Никаких намеков, никакого обмана, все по-мужски прямолинейно и честно.

– Поехали ко мне, – он протянул Серафиме лилии, которые она терпеть не могла, и крепко взял за талию.

Охранник на вахте чуть не выпал из будки, зачарованно наблюдая эту волнительную сцену.

– Ой, – попыталась покраснеть Серафима. – Как-то неловко.

Покраснеть не получалось категорически. Ей просто хотелось немедленно отгородиться от всего мира, оставшись наедине с Антоном, а «поехали ко мне» подходило для этого идеально.

– Мы же взрослые люди и знаем, чего хотим, – он не улыбался, не шутил, а просто внимательно смотрел на трепыхавшуюся Симу. Трепыхалась она, надо сказать, аккуратно, чтобы не сшибить кавалера как кеглю. Любая королевна, долго просидевшая в башне в ожидании женихов, отлично знает: сопротивление должно быть умеренным, иначе рыцарь может с перепугу ускакать на белом коне, даже не попытавшись добиться взаимности.

– Я так сразу не могу, – держала марку Сима, до одурения боясь перегнуть с демонстрацией приличий.

– Так сразу и не получится. Пока доедем, пока то-се, – рассудительно заметил Антон. – Тем более – пробки.

– Ну да... Пробки, – покорно кивнула Сима. – А ты что, на машине?

– Да, – Антон подталкивал ее к серебристому джипу.

– А вчера почему без машины был?

– В ремонт отдавал. Ну давай, лапа моя, садись.

Серафима молча и осторожно упиралась, стыдливо пряча глаза и рефлексирова про себя:

«Тоже мне – центнер кокетства. Черт с ней, с романтикой. Кому она нужна-то? Только время тянуть. Все правильно. Так даже проще».

На следующий день она пришла на работу окончательно обновленной. В биополя Серафима не верила, но практика показывала, что нечто такое у человека все же имеется. Мужчины неожиданно начали обращать на нее внимание, да еще как. Самое смешное, что теперь это было ни к чему ни для самооценки, ни для физиологии.

Первым стал вчерашний охранник.

– Доброе утро, – протянул он, приветливо улыбаясь. – Бомбу на себе не несем?

– Как обычно – полкило тротила, – корявенько пошутила Серафима, опешив от неожиданности. Обычно на вахте ей лишь кивали.

– Может, обыскать? – игриво дернул бровью страж.

Конечно, Сима могла ответить так, что он не только больше не делал бы попыток заигрывать, а вовсе перестал бы здороваться, но в эту ночь часть комплексов облетела с нее, как шелуха со старой луковицы. Поэтому и реакция на внешние раздражители стала менее ершистой.

Неопределенно хмыкнув и тоже дернув бровью, Серафима проплыла через проходную в сторону рабочего места. Физически ощущая горячий взгляд охранника, она поднималась по лестнице, повиливая бедрами. К последней ступени амплитуда размаха бедра стала уже опасной для окружающих. Позади медленно шуршал кто-то из сотрудников. Скорее всего, мужчина, так как вместо цокота каблучков доносился лишь звук тяжелых шагов и сосредоточенное сопение. Резко обернувшись, Сима аж отшатнулась: с блудливой улыбкой на лице ее преследовал не кто иной, как шеф.

– Ядреная ты девка, Разуваева, – поделился наблюдениями Бобриков.

– Да что вы говорите, – вежливо проблеяла в ответ Серафима. – То есть... спасибо.

– А пока не за что, – о чем-то задумавшись, отрезал Виктор Николаевич.

Побоявшись, что за этой фразой может последовать конкретизация сомнительного словечка «пока», Сима припустила по коридору, перестав вилять задом и подобравшись. Соблазнение шефа не входило в ее планы. Одно дело – внимание сотрудников, которое могло бы польстить самолюбию, и другое – планы босса, которые могли привести к потере рабочего места в случае несовпадения целей.

У операторской терся Хрящиков.

– Здравствуй... те, – проблеял Вова. – Отлично выглядишь... те.

– И ты ничего. – Сима протиснулась мимо, пробормотав в сердцах: – То густо, то пусто.

Самодовольство смешивалось с тревожным ожиданием. Слишком много вокруг нее сконцентрировалось флюидов, привлекавших мужчин, как свежая коровья лепешка – мух.

По коридору неотвратно надвигался шеф. На его жеваной физиономии проступала печать созревшей и оформившейся мысли. Бобриков плотоядно ухмылялся.

«Ужас, – тоскливо поняла Сима. – Вот оно – женское счастье. Нету – плохо, а привалило – не отбрыкаешься теперь!»

– Вот, – Хрящиков на мгновение прижался и сунул ей в руку что-то продолговатое. Серафима отпрянула, вдруг заподозрив, что спит и вся эта дичь ей снится. Хорошо бы, чтобы сон начинался с событий сегодняшнего утра и Антон оказался явью. Еще был шанс, что сотрудники сговорились.

Смущенный Хрящиков с топотом унесся на лестницу, оставив в Симиной руке шоколадный батончик. У Вовиной мамы явно были неправильные представления о том, чем можно соблазнить современную девушку.

– Разуваева, – шеф протолкнул Симу в помещение и плотно закрыл за собой двери. – Вот что...

– Не надо, – пискнула Серафима. Перед глазами пронеслась картина драки и последующего увольнения. Был бы кто другой – лежал бы уже в глубоком нокауте, но Бобрикова бить нельзя.

– Не перебивай. Я еще даже не начал.

– И не надо. Честное слово, ни к чему это. Лишнее. Вы потом даже пожалеете, – Сима пылко прижала руки к груди и торопливо запахнула пиджак. Антон вчера оборвал на блузке две верхних пуговицы, дело было на лестнице, поэтому фурнитура оказалась безвозвратно утрачена, да и не до нее было в тот момент. В результате блузка теперь выглядела более чем фривольно, особенно учитывая габариты бюста, вздымавшегося в стихийно образовавшемся декольте. Вполне вероятно, что мужчин привлекла эта новая деталь в Серафиминим облике, и вовсе не в флюидах было дело.

– Пожалею? С чего это? – напрягся Бобриков, с сожалением глядя на суетливые манипуляции с блузкой.

– Мне лучше знать, – туманно соврала Сима.

– Эй, Фима, ты чего закрылась? – в двери ломилась Лиза.

– Надо открыть, – с облегчением заторопилась Серафима.

– погоди, – прошипел шеф, оттаскивая ее от двери. Оставшиеся пуговицы с треском отлетели. – Ух ты! – Бобриков даже зажмурился. – Убери это, не нервируй.

Пока Сима под вопли Симбирцевой, глухо доносившиеся из коридора, подбирала пуговицы, шеф жарко шептал ей в ухо:

– Сегодня придет девица на собеседование, звать Жанна. Надо ее для порядка опросить и взять. Объяснишь ей тут все и пришлешь ко мне, ясно?

Смысл сказанного доходил до Симы долго, а когда дошел, она даже немного обиделась:

– Это вместо кого?

– Ну не вместо тебя же. – Шеф любовно оглядел сотрудницу, как крестьянин оглядывает только что засаженное картофельное поле: одобрительно и по-хозяйски. – Пока втроем поработаете, а там разберемся.

Наверное, надо было обрадоваться, что все благополучно завершилось, без домогательств и рукоприкладства, но Серафима чувствовала себя обманутой в своих ожиданиях.

«Вот я бесстыжая, – подумала она. – И так плохо, и эдак не устраивает».

Бобриков еще раз окинул Серафиму долгим взглядом и скрылся в кабинете.

– Что здесь происходит? – звенящим голосом отчеканила Лиза, врываясь в операторскую.

– Ничего, – Сима демонстративно уселась и занялась пришиванием пуговиц. – Орать не надо.

– Ты что тут вывалила? – Симбирцеву трясло от злости. – Что ты своим выменем трясешь, совсем сдурела? Здесь приличная фирма, а не публичный дом!

– Плохо, когда трясти нечем, – философски заметила Сима. – И вообще, не лезь в чужие дела. Так вышло.

Лиза прикусила губу и резко отвернулась к окну. Серафиме стало стыдно. Все же должна быть какая-то женская солидарность. Хоть Симбирцева и стерва, но ее только что бросили и почти уволили, так что можно было бы и посочувствовать. Осуществить акт милосердия Сима не успела.

– У тебя, говорят, бойфренд появился? – Лиза холодно смотрела на нее, поджав губы в змеиной улыбке.

– Да, – горделиво подтвердила Серафима, наивно полагая, что это признание снимет с нее подозрения в пашнях с шефом.

– А не боишься, что кто-нибудь ему стукнет про твои кувырки с начальником?

– Какие кувырки? Кто стукнет? – опешила Сима. – Да ты спятила! Не было ничего!

– А вот ты потом попробуй оправдайся, – сузила глаза Симбирцева. – На мое место метишь? Промажнешься. Зад великоват, не усидишь ты на моем стуле!

– Стучи, дятел, – презрительно отвернулась Серафима с деланным равнодушием, а на самом деле похолодев от ужаса. Лиза запросто могла сделать такую гадость.

– Съела? – в операторскую заглянул Хрящиков и застыл, парализованный открывшимся видом. Серафима в очередной раз запахла пиджак, чертыхнувшись и вспомнив про шоколадку.

Лиза насчет батончика была не в курсе и вопрос приняла на свой счет.

– Что, переметнулся? Я тебе покажу «съела»! Быстро ты курс меняешь, флюгер!

– Извините, я потом зайду, – прошептал Вова, не в силах оторваться от созерцания Серафимы. Наверное, надеялся, что она еще раз взмахнет лапами пиджака и осчастливит его истосковавшуюся без женских прелестей душу.

Ответом ему было гробовое молчание.

Хорошие новости, равно как и плохие, в тесном коллективе распространяются так же быстро, как простуда и зевота. К обеду мужская часть сотрудников до такой степени извела Серафиму бессмысленными посещениями, что у нее появился соблазн запломбировать блузку степлером.

Можно подумать, раньше они всего этого роскошества не замечали! Хотя, если быть честной, раньше Сима никогда без верхних пуговиц и не щеголяла. Ей казалось, что груди слишком много для того, чтобы отважиться ею погордиться. Всего должно быть в меру: если кастрюля доверху наполнена супом, то это здорово, но если жирный бульон переливается через край, то это уже мало кого обрадует. Более того, наличие столь выдающегося достоинства привлекало к Серафиме вовсе не тех мужчин, о которых мечталось.

Лиза агрессивно долбила по кнопкам телефона и источала волны презрения, предназначенные для утопления ненавистной Разуваевой.

Почти в самом начале дня Симе позвонил Антон, и они очень мило побеседовали, доведя своим воркованием Елизавету до крайней степени бешенства. Она никак не могла решить, что лучше: чтобы Серафима отвлеклась на нового кавалера, оставив шефа ей, или чтобы лишилась своего личного воздыхателя. С точки зрения личной выгоды пришлось смириться с первым вариантом.

После обеда обстановка изменилась, как давление перед тропическим ливнем. Пришедшая на собеседование девица на короткое время сплотила противоборствующие лагерь.

– Привет, я Жанна. – В операторскую впорхнула яркая блондинка, миниатюрная и сексуальная до такой степени, что и Серафима, и Елизавета одновременно ощутили совершенно одинаковое чувство зависти. После чего Сима, зная о дальнейших планах, сгруппировалась: раз новую девицу берут с определенной целью, то именно она станет начальницей, таким образом, надо было сразу поставить ее на место любой ценой. А Лиза, даже не подозревавшая, что «Жанна» – это почти пароль, интуитивно почувствовала в ней соперницу.

– Вы анкету принесли? – строго сдвинула брови Сима.

– Конечно, – Жанна улыбалась так приветливо и радостно, что пугать ее расхотелось.

– Какую анкету? – сварливо скрипнула Симбирцева.

– Мы оператора нового берем, – не упустила случая поддеть коллегу Серафима.

– Что? – Лиза вскочила. – Зачем? Нам не нужен оператор!

– Вам, может, и не нужен, – звонко отрапортовала Жанна, – а Виктору Николаевичу нужен.

– Да, – как кулацкий подпевала согласилась Сима. Новенькая ей нравилась.

Бобриков рассчитал все правильно. Больше недели трио не продержалось. Симбирцева, окончательно понявшая, что получила отставку, начала спешно искать работу, разумеется, нашла и ушла с шумом, треском и скандалом, напоследок сообщив супруге шефа, что рога ей весьма и весьма к лицу. Лариса Федоровна Бобрикова на фирме мужа появлялась очень редко, но ради такого случая примчалась в течение часа. Поскольку никакой тайны из разоблачения Лиза не делала, а наоборот, устроила целое представление с максимумом зрителей, босс начал готовиться к худшему, унесясь в кабинет глотать валидол, а Жанна в ужасе начала выдвигать фантастические теории спасения. Ничего умнее, чем взять отгул или быстро изуродовать внешность, ей в голову не пришло.

– Эх ты, блондинка, – снисходительно ухмыльнулась Серафима. – Ну и как тебя изуродовать? Можно волосы выдрать, еще можно нос сломать, глаз подбить, но фингал к ее приезду дозреть не успеет. А ты как думала? Честь шефа дороже. Все для фронта, все для победы, придется идти на жертвы. А ты потом можешь Лизке отомстить. Если найдешь.

Нежное личико Жанны медленно зеленело:

– Я не хочу мстить. Я лучше уволюсь.

– Так поздно пить боржоми, когда почки отвалились, крошка, – фыркнула Серафима.

Из этой водевильной ситуации, которая лично ей ничем не угрожала, можно было извлечь максимум пользы. Сима уже видела себя с медалью за боевые заслуги, выражавшейся в денежном эквиваленте. Наш подвиг не умрет в веках...

– Ладно, иди на склад, поработай, пока все уляжется, а сюда Светку-уборщицу пришли. Да, и поменяйся с ней одеждой.

– Как это? Отдать ей свой костюм? Да ты знаешь, сколько он стоит?

– Да ты знаешь, что с ним будет, если в нем останешься ты? Бобрикова – это ураган и смерч в сжатом виде, термоядерная бомба. Хотела быть изуродованной – будешь!

– Не-не... – Жанна попятилась. – Просто костюм дорогой... Это я так... Уже бегу.

Уборщица Света была обычной сорокавосемилетней женщиной, блеклой, поникшей и умеренно-интеллигентной, если ей не перечить. Ее взяли недавно, поэтому трудовой энтузиазм в ней еще теплится, а сердце бодрит невнятные обещания карьерного роста. Какая карьера может быть у складской уборщицы, Света не знала, но надеяться ей никто не мешал и радужных надежд не лишал.

Авантюру с переодеванием она приняла на «ура», уже через десять минут примчавшись в операторскую.

– Чего делать? – Задора в Светлане было на целый гусарский полк, готовящийся к увольнительной. Она возбужденно подпрыгивала, перетряхивала бумаги и восторженно зыркала по сторонам.

– Ничего. Отзывайся на имя Жанна и ничего не трогай. Сиди с умным видом и смотри каталог с канцелярией.

Света схватила протянутый журнал и скорчила такую физиономию, что Серафима прыснула:

– Не, не надо. Умный вид у тебя как-то неубедительно получается. Просто листай и делай пометки.

Довести инструктаж до конца не удалось.

– Где? – взревела мадам Бобрикова, лавиной вкатываясь в операторскую.

– Ой, Лариса Федоровна! – расцвела Серафима. – Здравствуйте! А Виктор Николаевич у себя.

– Где девка? Эта... Как ее...

– Жанна? – подобострастно подсказала Сима.

– Да! – гаркнула обманутая супруга.

Света сидела, прикрывшись журналом, и не подавала признаков жизни.

– Вон, работает, – Серафима выдвинула подбородок в сторону уборщицы. – А зачем она вам?

– Добрый день, – вступила Светлана. – Я могу вам помочь? Симочка, сварь нам кофе. Вы с сахаром пьете или так?

Бобрикова замерла в боевой стойке, заторможенно оценивая соперницу.

Сима распласталась по стене, подумав, что лучше быть честной женщиной и жить спокойно, чем спать с чужими малопривлекательными мужьями и так рисковать внешностью и здоровьем. Собственная идея с подставной телефонисткой уже не казалась ей удачной. Светина самостоятельность ей тоже не понравилась.

– Что-то я не пойму, – наконец сформулировала Лариса Федоровна. – Это она новенькая?

– Она! – осторожно кивнула Сима.

– Сима, ты глухая? – Светлана недовольно отложила журнал и строго сфокусировалась на Серафиме. – Я попросила два кофе. Просто ужас, как тут сотрудников распустили.

Последняя фраза относилась уже к Бобриковой, которую вместо драки призывали почувствовать.

Перестраивалась мадам Бобрикова медленно, остывала тоже недостаточно быстро для того, чтобы сотрудники могли почувствовать себя в полной безопасности.

– Это вы – Жанна? – Светлана Федоровна подозрительно изучала Свету, пытаясь обнаружить, чем же соперница лучше. По всему выходило, что ничем. Более того, вообще странно было считать это недоразумение в костюме не по размеру соперницей.

– Да, – Светка задумчиво закатила глаза к потолку, не обращая внимания на угрожающую мимику Серафимы, выглядывавшей из-за спины визитерши. – Вот что, Разуваева, сбегай-ка в юридический отдел, узнай, когда ко мне юрисконсульт придет наконец. Сколько можно ждать? Поувольняю всех, допрыгаются.

Представив себе, как юрисконсульт Белла Адамовна Бахман вспугнутым мамонтом несется на ковер к уборщице, Серафима сдавленно хрюкнула и перевела тему:

– Лариса Федоровна, вы к шефу?

Светке она показала кулак и изобразила пантомиму «харакири». Уборщица, дождавшаяся звездного часа, сильно переигрывала и вообще – вела себя так, как будто работала тут последний день. Розовый бегемот из «Минуты славы» поблек на фоне ее «мегаартистичности».

– Да, пожалуй, зайду. – Бобрикова еще раз придирчиво осмотрела лже-Жанну и направилась в кабинет мужа. – Заперто.

Лариса Федоровна изумленно подняла брови и подергала дверь еще раз. Действительно, было заперто.

– Не может быть, – не поверила Серафима и тоже дернула за ручку, после чего толкнула бедром. По стене прошла дрожь, в кабинете что-то упало. Признаков жизни Виктор Николаевич не подавал.

– Тюша, – занервничала Лариса Федоровна. – Что за шутки. С кем ты там?

– Да один, один! – испуганно заголосила Сима, лихорадочно соображая, как спасти ситуацию. Похоже, Бобриков, одурев от страха, отупел настолько, что банально заперся, решив переждать грозу в одиночестве.

«Страус – он страус и есть, – злобно подумала Серафима. – Все мужики такие. Как руки распускать и лапать – так все они герои-любовники, а как отвечать – так не при делах, один хвост над поверхностью трясется».

Надо было срочно мобилизовать фантазию. Размер премии в Симиных фантазиях рос в геометрической прогрессии.

– Ой, я что-то так переживаю. Виктор Николаевич неважно себя чувствовал. У нас тут сегодня такое было. Девушку одну увольняли, так она скандал закатила. В общем, неприятная была история, она давно работала, все шефа домогалась, а он весь в работе, в работе, – затахтела Серафима, повысив голос и надеясь, что Бобриков услышит свежую версию событий. – Сами знаете, Виктор Николаевич – мужчина порядочный, ничего себе не позволяет, так она ему гадостей наговорила, сказала, что раз ей не достался, так и никому не достанется!

«Не, он меня уволит, – неожиданно печально поняла Сима, вдумавшись в смысл озвучиваемого директорской жене бреда. – Ни одна нормальная баба в такую ерунду не поверит».

– Она домогалась, а Витя отказал? – скептически ухмыльнулась Бобрикова.

– Так ее ж видеть надо было, – гнула свою линию Серафима.

– Я Лизу видела.

– Вот, – подавилась собственной уверенностью Сима. – Именно. На ней же пробы ставить негде. Она так и сказала, на спор соблазну шефа. А я ей говорю, мол, никогда! Виктор Николаевич не такой! Я тут столько работаю, мне ли не знать!

– Да уж, – непонятно скривилась Бобрикова. – Кто ж его не знает.

– Именно. И Лизку все знают. От нее и подцепить что-нибудь можно, – съехала на интимный тон Серафима, тихо постукивая каблуком в шефскую дверь. Врать она уже устала, запал прошел, тем более что история становилась все более фантастической.

– Кто там? – глупо подал голос шеф, словно пятилетний ребенок, оставленный дома в одиночестве.

– Свои, – выдохнула Сима. – Откройте, Виктор Николаевич! С вами все в порядке?

– Ой, Ларочка, – проблеял шеф, наконец-то рискнув прервать уединение. – Какой сюрприз.

– Надеюсь, приятный? – рыкнула супруга.

– Уж как я рад, как я рад, – раскудахтался Бобриков, суется так, словно к нему нагрянула налоговая полиция.

– Жанна вам сейчас кофе принесет, – оповестила присутствующих Сима.

- Жанна? – опять напряглась Бобрикова.
- Не надо! – утробно взвизгнул шеф. – Пусть она лучше... пусть... в банк съездит!
- Сима, вели подать машину через пять минут, – не растерялась Света.
- Сейчас велю, – прошипела Серафима. – Не извольте беспокоиться.
- Что-то вы тут все какие-то напряженные, – неожиданно резюмировала Бобрикова.
- Ну так, – развела руками Сима. – Такая отвратительная история с этим увольнением.

До сих пор еще не отошли. Вы не представляете, какая дикая сцена была.

– А где Жанна? – вклинился шеф, чуть не порушив хрупкое взаимопонимание между высокими договаривающимися сторонами.

– Вон она, – Сима весьма невежливо ткнула пальцем в сторону уборщицы и уперлась в Бобрикова тяжелым взглядом. – Видите, Лариса Федоровна, до чего начальника нашего довели?

– Витенька, может, тебе сегодня не стоит больше работать? – Лариса Федоровна многозначительно указала мужу на дверь. – Давай-ка я тебя домой отвезу.

– Давай, Ларочка, – китайским болванчиком закивал босс.

«Надо же, какая дура, – удивленно подумалось Серафиме. – Чтоб так легко в такую ересь поверить. Да уж, семейка».

В коридоре Лариса Федоровна на мгновение задержалась, пропустив мужа вперед, и вдруг доверительно шепнула провожавшей их Серафиме:

– Запомните, Симочка, у вас все впереди. Главное для мудрой женщины – вовремя остановиться. Виноватый мужик – воск, лепи, что хочешь. Их надо уметь гнуть, но не ломать. А вам – спасибо.

«Сама я дура!» – уважительно глядя вслед удаляющейся чете Бобриковых, резюмировала Сима.

– Что у нас с банком? – Света томно скособочилась в кресле, обмахиваясь журналом. – Машина готова?

– Слушай, Золушка, выходи из образа. Твоя тыква ждет тебя на складе, – хихикнула Серафима. – Не быть тебе артисткой, Светка.

– Почему это?

– Режиссера не слушаешь, а экспромты у тебя неудачные.

– Это субъективное мнение непрофессионала, – обиделась Светлана. – Я всю сцену на себе вытянула. Нравится тебе или нет, а она поверила, и все обошлось.

– Медаль тебе, пиши заявление. Все, верни мне Жанку, работать надо.

– Ну, еще пять минуточек, – заканючила уборщица. – Когда еще в начальниках буду? Дай насладиться.

– Ладно.

– Спасибочки, – Светка снова по-хозяйски откинулась в кресле. – Сима, свари-ка мне кофе быстренько!

– Сейчас я тебе лучше юрисконсульта пригоню, чтобы ты ее уволила, – расхохоталась Серафима.

Кому-то изменяют, кто-то расстается, кто-то встречается. Круговорот чувств в природе бесконечен. Счастье и несчастье, встречи и разлуки так плотно переплетены между собою, что сложно понять, где заканчивается одно и начинается другое.

Зима, холодная, слякотная, гриппозная, стала для Серафимы праздником. Раздраженные сограждане, толкавшие ее в транспорте, казались милыми и несчастными, потому что они не жили в гармонии друг с другом. Терпимость и благожелательность росли в Симе в геометрической прогрессии. Когда на душе светло, то и фонарей не надо. Счастье перестало пугать, она даже начала привыкать к нему, страх отступал, настоящее казалось незбылемым и стабильным.

Волновало лишь одно – пока не шло речи о браке. Но, во-первых, утешала себя Серафима, для столь серьезного решения еще слишком рано, а во-вторых, разве в штампе счастье? Да и никакая это не гарантия, а ненужный атрибут, отпугивающий мужчин.

Она твердо знала, что никогда, ни при каких обстоятельствах не заговорит на эту тему первой.

Вконце февраля Антона срочно услали в командировку.

– Лапа моя, не успеваю тебе ключи передать, – расстроился он. – И главное – вообще не понимаю, на сколько еду, обратных билетов еще нет. Ты меня дождешься?

– В каком смысле «дождусь»? – опешила Серафима. На носу было Двадцать третье февраля и Восьмое марта, а тут такие непонятные события.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.